

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН БОЛЕЕ ЧЕМ НА 40 ЯЗЫКОВ МИРА

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

«Роллинс – это то, что получается, если поместить Дэна Брауна и Майкла Крайтона в адронный коллайдер».

New York Times

ПОСЛЕДНЯЯ
ОДИССЕЯ

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс
Последняя одиссея

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Coe)-44

Роллинс Д.

Последняя одиссея / Д. Роллинс — «Эксмо», 2020 — (Отряд «Сигма»)

ISBN 978-5-04-110496-2

Исследователи ледников Гренландии наткнулись на шокирующую находку: арабское судно, заплывшее сюда на сто лет раньше викингов. Со смертоносным грузом – древними бронзовыми механизмами-убийцами. Рядом с мумией капитана обнаружилась сработавшая из золота и драгоценных камней механическая карта, при активации показывающая опасный путь Одиссея из Трои в свое царство – в точности по поэме Гомера. Однако основное назначение карты – указать координаты реального, а не мифического Тартара, древнегреческого ада. Поэтому за артефактом и охотится оснащенная по последнему слову техники организация религиозных фанатиков, желающая освободить из-под земли легендарных чудовищ Эллады и устроить Апокалипсис. На их пути встает спецотряд «Сигма»...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-110496-2

© Роллинс Д., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Благодарности	6
Замечания исторического характера	9
Замечания научно-технического характера	11
Часть первая	17
Глава 1	17
Глава 2	26
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	50
Часть вторая	56
Глава 8	56
Глава 9	61
Глава 10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джеймс Роллинс

Последняя одиссея

James Rollins

The Last Odyssey

THE LAST ODYSSEY © 2020 by James Czakowski

© Абдуллин Н.Н., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо»,
2020

Фото автора: © David Sylvian

© Aris Suwanmalee, KD007 / Shutterstock.com

*Читателям по всему миру, которые по-прежнему ищут
потерянные миры и глубинный смысл на страницах книг.*

Спасибо, что присоединились ко мне в этом путешествии.

Благодарности

Гомеру приписываются следующие слова: «Путешествие – это самое главное». Путь от идеи до публикации тернист. Мне мою одиссею помог облегчить славный (и терпеливый) отряд первых читателей, рецензентов и чирлидеров. Вместе они известны как «Warped Spacers»: Крис Кроу, Ли Гарретт, Мэтт Бишоп, Мэтт Опп, Леонард Литтл, Джуди Прей, Кэролин Уильямс, Джон Уэстер и Эми Роджерс. Отдельное спасибо Стиву Прею за карту Арктики. Также стоит отдельно поблагодарить Дэвида Силвиана – за то, что продвигает меня в Сети. А еще – Черей Маккартер, которая поделилась кучей занимательных идей и любопытных деталей, и некоторые из них оказались на страницах этой книги. Уильяма Крейга Рида я благодарю за подсказки в области подводных боевых действий. И разумеется, ничего не получилось бы без помощи поразительной команды непревзойденных профессионалов. Спасибо всем в издательстве «William Morrow» за поддержку, особенно Лайет Стелик, Даниэлле Бартлетт, Кейтлин Харри, Джошу Марвеллу, Ричарду Акуану и Ане Марии Аллесси. И наконец, еще особая благодарность тем, кто сыграл важную роль на всех стадиях производства: моему драгоценному редактору Лиссе Койш и ее неутомимой коллеге Мирейе Чирибога; за тяжелый труд – моим агентам, Рассу Гэлену и Дэнни Барору (как и его дочери Хэзер Барор). Как всегда, спешу напомнить: любые возможные ошибки в фактах и деталях – а их, надеюсь, немного – полностью на моей совести.

Карта Гренландии

Замечания исторического характера

История – штука переменчивая. Рассказы о событиях разнятся в зависимости от точки зрения, и зачастую хроники пишет победитель, создавая факты из мифов.

Два знаменитых эпоса Гомера, «Илиада» и «Одиссея», в поэтической форме пересказывают события Троянской войны и ее последствий. Полагают, что их сочинили в VIII веке до нашей эры, однако многие ученые вообще не верят в то, что Гомер жил на самом деле. Мол, певец, слагавший песни о богах и чудовищах, – скорее всего, собирательный образ.

И все же сколько в этих эпических произведениях исторической правды, а что в них – чистой воды вымысел?

Веками историки отрицали, что Троя – великий город, который однажды осадили греки и взяли, преподнеся защитникам коварный подарок, Троянского коня, – могла существовать на самом деле, как описывается в «Илиаде». Считалось, что Троя – мифическое место, выдуманное Гомером, пока в конце XIX века немецкий археолог-любитель Генрих Шлиман в ходе раскопок на холме Гиссарлык не обнаружил руины величественного города. С тех пор прошло много лет, но в конце концов в этом погребенном под землей комплексе признали пропавшую Трою.

Миф стал историей.

Как же тогда быть с «Одиссеей», историей великого героя войны по имени Одиссей и его десятилетнем пути домой, на родной остров Итака? Это рассказ о тяготах и невзгодах, колоссальных чудовищах и колдуньях, посылаемых богами штормах и сиренах, сводивших с ума мореплавателей... Само собой, фактами тут и не пахнет, однако историки и археологи по-прежнему штудируют «Одиссею» в поисках подсказок, пытаются проследить путь героя и даже находя на современной карте мира места, упомянутые в эпической поэме Гомера.

Вот вам пример. Чуть больше десяти лет назад британский консультант по менеджменту Роберт Биттлстоун, используя современное геологическое оборудование, попытался определить местоположение родины Одиссея, Итаки, куда великий воин вернулся в конце эпического странствия. Кандидатуру существующего острова с тем же названием он сразу отменил, поскольку тот не подпадал под описание, приведенное в поэме, и выдвинул новую теорию: Итака – это греческий полуостров Палики¹. Доказательства были настолько убедительными, что кембриджский профессор греческого языка и латыни Джеймс Диггл заявил: «Усомниться невозможно, геология не врет... побывав на месте, вы поймете, что совпадение просто поразительное»². Выводы Биттлстоуна также подтверждаются и другими специалистами в области античности³.

Таким образом, у событий «Одиссеи» имеется историческая отправная точка – город Троя – и конец, Итака. Подобные открытия порождают вопрос: «Как быть с тем, что посередине? Что из гомеровских описаний богов и чудовищ правда?»

Хотя личность Гомера по-прежнему остается неподтвержденной, мало кто сомневается в том, что в его поэмах пересказываются события войны, имевшей место быть. Они, эти истории, проливают свет на эпоху, известную как греческие темные века – смутное время, когда пали три цивилизации бронзового века: микенская в Греции, хеттская в Анатолии и египетская. Как и почему это произошло? Недавние исследования показали, что на территории Средиземно-

¹ Представляет собой часть самого большого из Ионических островов, Кефалинии, рядом с которым расположен собственно о. Итака.

² Fergus M. Bordewich, *Odyssey's End: The Search for Ancient Ithaca*, выпуск журнала *Smithsonian* за апрель 2006 г. – Прим. авт.

³ Nicholas Kristof, *Odysseus Lies Here*, выпуск *New York Times* за 10 марта 2012 г. – Прим. авт.

морья и правда случилось несколько крупных сражений. Размах военных действий был таков, что некоторые историки называли их истинной Первой, или Нулевой мировой войной. Большая часть тех мрачных событий до сих пор остается под покровом тайны, однако некоторые археологи считают, что в конфликте принимала участие некая четвертая цивилизация – та, которая нанесла поражение остальным трем, а после скрылась в небытии.

Если так, то что это за народ? Может, в историях Гомера содержатся подсказки на его происхождение и то, куда он после исчез? На страницах этой книги я тоже предлагаю ответы, которые прольют свет на угрозу новой мировой войны. Считайте, что я вас предупредил: не все истории о богах и чудовищах – вымысел.

Замечания научно-технического характера

Нам, людям, многое интересно. К несчастью, любопытство порой приносит больше вреда, чем пользы. Особенно когда дело доходит до новых изобретений. Примерно в 3500 г. до н. э. широко распространилось колесо, и с тех пор мы не перестаем улучшать и познавать нашу жизнь. А мысль о том, что необходимость – мать изобретений, не утратила актуальности.

Настанет ли такое время, когда мы достигнем предела в исследованиях и наступит застой? Кое-кто полагает, что переломный момент уже наступил. Тайлер Коуэн, экономист из Университета Джорджа Мейсона, опубликовал манифест «Великая стагнация», в котором высказался, что мы уже достигли вершины инноваций – в полной мере воспользовавшись преимуществами дешевой энергии и открытий промышленной эпохи. Он считает, что время быстрого развития подходит к концу.

Подходит ли? В истории определенно были периоды технологического зстоя, главным образом потому, что отдельные общества активно выбирают отказ от инноваций. Сначала китайцы – после эпохи Мин; затем арабский мир – в XIV веке. И тем не менее, когда в одной части мира пламя прогресса угасает, оно вспыхивает в другой. Когда арабский мир тонул во тьме, европейские страны вошли в эпоху Ренессанса, подхватив брошенный исламской цивилизацией факел.

Для наглядности: в период с VIII по XIV век – известный как исламский золотой век – арабские ученые показали себя мастерами инженерии и инноваций. Одним из самых выдающихся был аль-Джазари (1136–1206 гг.), который изобретал всевозможные устройства, начиная от водяных часов и заканчивая сложнейшими заводными механизмами. Таких компонентов и техники прежде мир не встречал. Величайшим достижением аль-Джазари стала «Книга знаний об остроумных механических устройствах», где приводились схемы более сотни изобретений. Аль-Джазари стал известен как Леонардо да Винчи арабского мира.

Вообще есть мнение, что Леонардо находился под влиянием работ аль-Джазари, умершего за два века до его рождения, и что-то из них «заимствовал». Таким образом, Леонардо перенял факел прогресса, брошенный исламским миром, когда угас свет его золотого века. На самом деле влияние, оказанное аль-Джазари на Леонардо, куда сильнее, чем кто-либо предполагал, – и скоро вы об этом узнаете.

Таков путь прогресса: эстафета передается из рук в руки, из века в век, из одной страны в другую.

Однако вернемся к мысли о том, что необходимость – мать изобретений. Сам собой напрашивается вопрос: «Какая необходимость сильнее прочих подстегивает прогресс и изобретательство?»

Ответ простой: война.

βουλοίμην κ' ἐπάρουρος ἐὼν θητευέμεν ἄλλῳ ,
ἀνδρὶ παρ' ἀκλήρῳ , ὃ μὴ βίωτος πολὺς εἶη,
ἢ πᾶσιν νεκύεσσι καταφθιμένοισιν ἀνάσσειν.

– Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать мертвый⁴.

⁴ Цитаты из Гомера даются в переводе В. А. Жуковского.

Призрак Ахиллеса в «Одиссее» Гомера

Счастлив будет тот, кто прислушивается к словам умерших.

Леонардо да Винчи

10 декабря 1515 г.

Италия, Рим

Художник склонился над мертвой головой. Жуткое украшение стояло посреди стола, насаженное на колышек и идеально освещенное утренним солнцем. Собственно, из-за хорошего света маэстро и предпочел работать в мастерской при Бельведерском дворце. Находясь на священной земле Ватикана, он без малейшего колебания искусно срезал кожу со щеки девушки. Бедняжка чуть не дожила до семнадцатилетия.

Трагедия, конечно, зато художнику досталась отличная модель.

Он обнажил тонкую мускулатуру и, щурясь, осмотрел волокна, соединяющие скулу и обвисший уголок рта. Следующий час он осторожно подергивал за них, отмечая движения бледных губ и прерываясь лишь затем, чтобы ловким движением левой руки сделать очередной набросок на листе пергамента. Он отмечал все: ширину ноздрей, складки на щеке и под нижним веком.

Наконец удовлетворенный, художник с хрустом в спине распрямился и отошел к мольберту. Взял кисточку из конского волоса и присмотрелся к незавершенной левой стороне портрета, лицо на котором навеки замерло в три четверти оборота. Без модели приходилось работать по памяти. Обмакнув кисть в краску, он добавил мазок у нижней губы. Пустил в ход знания, почерпнутые благодаря вскрытию.

Довольный, отошел на шаг.

«Вот так-то лучше... намного лучше», – подумал он.

Двенадцать лет назад, еще когда маэстро жил во Флоренции, богатый купец по имени Франческо дель Джокондо заказал ему портрет молодой супруги, прекрасной и загадочной Лизы. С тех пор художник всюду возил с собой незавершенную работу: из Флоренции в Милан, а оттуда – в Рим. Однако до сих пор не был готов расстаться с ней.

Микеланджело, выскочка, порой деливший с ним жилье, со свойственной юнцам дерзостью насмеялся над такой увлеченностью и нежеланием заканчивать портрет.

Ну и пусть его.

Казалось, глаза портрета следят за художником. Кожа девушки на холсте лоснилась в холодном утреннем свете, а угли в остывающем очаге лишь усиливали впечатление.

«Годы идут, знания растут, и ты получаешься у меня все прекраснее».

И все же работа была пока не готова.

За спиной у художника отворилась дверь. Стон петель напомнил о прочих обязанностях, более срочных заказах. Маэстро раздраженно стиснул кисть – в который раз его отвлекают от созерцания этой улыбки!

Мягкий виноватый тон подмастерья слегка сгладил подпорченное настроение.

– Маэстро Леонардо, – обратился к учителю Франческо, – я подготовил все, что вы просили, в дворцовой библиотеке.

Леонардо со вздохом отложил кисть и снова отвернулся от Лизы.

– *Grazie*⁵, Франческо.

Он направился к висевшему у двери подбитому мехом плащу. Взгляд Франческо упал на полуосвежеванную голову. Глаза юноши расширились, лицо побледнело, и все же он воздержался от замечаний.

⁵ Спасибо (итал.).

– Брось паяться, Франческо. Пора бы перестать пугаться таких вещей. – Накинув плащ, Леонардо подошел к двери. – Хочешь быть художником, ищи любых знаний. Всюду, где только можно.

Франческо кивнул и последовал за учителем.

Вдвоем они спустились по каменным ступеням и вышли во внутренний двор Бельведерского дворца. Схваченная инеем, лужайка побелела; пахло дымом. В обе стороны вдоль крыльев здания тянулись строительные леса. Ощущение грядущих перемен будоражило, распалало в груди огонь надежды.

Наконец, когда нос уже горел от холода, Леонардо с Франческо достигли папского дворца. Капеллу в нем, кстати, недавно расписал проклятый Микеланджело.

От раздражения Леонардо даже забыл о холоде. В прошлом году он, вооружившись фонарем, прокрался в капеллу далеко за полночь. Оказывать Микеланджело честь, признавая его работу? Вот еще! Леонардо изучил ее втайне. Он помнил, как восхищенно оглядывал потолок, подмечая новаторское использование законов перспективы на таком обширном полотне. Даже взял на заметку некоторые приемы.

Злой на молодого художника, Леонардо вспомнил, как сам недавно упрекнул Франческо: «Ищи любых знаний. Всюду, где только можно». Впрочем, это не значит, что источник заслуживает признания.

Все еще сердясь, Леонардо поднялся по ступеням, кивнул гвардейцам и вошел во дворец.

Франческо, видимо, уловил его раздражение и потому предпочитал идти впереди, ведя учителя к библиотеке. Он трудился там всю ночь, облазил пыльные полки и шкафы в поисках материалов, нужных Леонардо для очередного заказа.

Время стремительно уходило.

Через три дня Леонардо вместе с папой Львом X отбывал на север в Болонью, на встречу с французским королем Франциском I, который недавно захватил Милан. Решать предстояло дела государственной важности, однако король повелел Леонардо присутствовать. Странное требование сопровождалось письмом.

Король, знавший о талантах Леонардо, намеревался заказать нечто великое в ознаменование победы Франции. Суть он изложил в подробностях: нужен золотой механический лев, который не просто ходил бы сам по себе, но чтобы у него раскрывалась грудь, обнажая скрытый внутри букет лилий, символ Франции.

Франческо, всюду сопровождавший Леонардо, словно прочитал мысли учителя:

– Думаете, вам под силу измыслить этукую золотую махину?

Леонардо взглянул на юношу.

– Уж не сомнение ли я слышу в твоем голосе, Франческо? Ты ставишь под вопрос мою искусность?

Юноша запнулся, залившись краской.

– Не... нет, конечно же, учитель.

Леонардо улыбнулся.

– Вот и славно, ведь мне хватает собственных сомнений. На одной самонадеянности многого не создашь. Великие работы слагаются из божественного дарования и смертной скромности.

– Скромности? – Франческо заломил бровь. – Вы о себе?

Леонардо хихикнул. А мальчишка-то хорошо его познал.

– Заносчивость хорошо показывать толпе, чтобы убедить мир, как ты уверен во всяком своем предприятии.

– А самому себе?

– Скромность нужна, чтобы измерить пределы своих сил, понять, когда пора расширить горизонты знаний. – Леонардо вспомнил, как упоенно разглядывал потолок капеллы и

чему научила его работа Микеланджело. – Это исток подлинного гения. Человек, вооруженный достаточным знанием и изобретательностью, свернет горы.

Намереваясь доказать это утверждение, он поспешил в библиотеку.

10:02

«Хоть бы все было не зря». Франческо придержал наставнику дверь и проследовал за ним в папскую библиотеку. Про себя он молился, чтобы его труды не разочаровали этого великого человека.

Главное хранилище встретило посетителей запахами влажной старой кожи и плесневеющих страниц. Тянулись к стропилам и перемежаемые бледными призраками статуй деревянные полки. Впереди на широком столе горела одинокая лампа в окружении аккуратных стопок книг, отдельных страниц и даже пирамиды свитков.

Леонардо приблизился к столу.

– А ты не терял времени даром, Франческо.

– Я старался, – со вздохом ответил подмастерье. – Арабскую книгу оказалось найти особенно трудно.

Леонардо обернулся.

– Так ты ее отыскал? – вскинул он брови.

Не скрывая гордости, Франческо указал на толстый том в самом центре подборки. Кожаный переплет почернел и вытерся со временем, однако золотое тиснение по-прежнему ярко сияло в свете лампы. Леонардо провел пальцем вдоль изящной арабской вязи: «كتاب في ثواب معرفة الرجال» – и прочел вслух: «Китаб фи марифат аль-хиял аль-хандасийя».

Франческо, понизив голос, перевел:

– «Книга знаний об остроумных механических устройствах».

– Написана два века назад, – уточнил Леонардо. – Можешь ли ты вообразить золотой век ислама, когда невероятно почитались наука и познание?

– Хотелось бы мне когда-нибудь отправиться в те земли.

– Ах, дорогой Франческо, уже слишком поздно. На них опустилась тьма войны и невежества. Тебе бы там не понравилось. – Леонардо коснулся переплета книги. – К счастью, древнее знание уцелело.

Он открыл книгу наугад. Арабская вязь ручьями чернил обтекала цветное изображение фонтана: из клюва павлина вода падала на сложную систему шестеренок и барабанов. Франческо знал, что и остальная часть книги полнится изображениями различных устройств, многие из которых способны двигаться сами по себе, как тот же лев, заказанный французским королем.

– Книгу написал Исмаил аль-Джазари, – сказал Леонардо. – Блестящий художник и главный инженер династии Артукидов⁶. Подозреваю, из этой книги мне удастся почерпнуть много знаний, которые помогут сконструировать золотого льва для короля Франции.

– Возможно, есть еще одна книга, которая окажется вам полезна, – прозвучало за спинами учителя и ученика.

Леонардо и Франческо разом обернулись к двери, которую по недосмотру оставили открытой. В проеме стоял невысокий, крепко сбитый мужчина. Простая белая сутана и пилеолус⁷ будто сияли в скудном сиянии лампы. Франческо со свойственной юноше прытью упал на

⁶ Тюркская династия, правившая на севере Ирака, в Сирии и на западе Армении.

⁷ Традиционный для католических священников головной убор – круглая шапочка, первоначально предназначавшаяся для прикрытия тонзуры, выбритой макушки.

колени и опустил голову. Леонардо же едва успел преклонить колено, когда священник заговорил вновь:

– Будет. Встаньте, вы оба.

Франческо повиновался, хотя головы поднять не смел.

– Ваше Святейшество.

Папа Лев Десятый оставил у входа двух гвардейцев и прошел к художникам. В руках он бережно держал тяжелую книгу.

– Я слышал, что ваш подмастерье роется в наших библиотеках. О цели его поисков мне тоже донесли. Смотрю, вы намерены сделать все возможное, дабы угодить нашего гостя на севере.

– Говорят, король Франциск бывает довольно требователен, – признал Леонардо.

– И воинственен, – подчеркнуто добавил папа. – Хотелось бы, чтобы это свое качество он проявлял исключительно на севере. А значит, разочаровывать его королевское высочество не стоит, если только он не двинет свои армии дальше на юг. Во избежание такого поворота я решил отрядить вам в помощь собственных людей.

Папа Лев подошел с книгой к столу.

– Вот, отыскиали в Священном ларце.

Франческо удивленно замер. Священный ларец – это личная библиотека пап, в которой, по слухам, хранятся удивительные книги: и христианские, и те, что были написаны еще на заре веры.

– Ее добыли во время Первого крестового похода, – объяснял понтифик, водружая книгу на стол. – Персидский труд о механических устройствах, написанный в девятом веке от Рождества Господа нашего. Мне показалось, он тоже будет вам полезен.

Явно заинтригованный, Леонардо приподнял непримечательную обложку, с которой давно стерлось тиснение. Увидев же имя автора, он резко обернулся к понтифику.

– Бану Муса!

Его Святейшество кивнул и перевел:

– Моисеевы дети.

Франческо раскрыл было рот, намереваясь задать вопрос, но тут же, смущенный, закрыл и замер.

Леонардо, впрочем, чуть обернувшись в его сторону, ответил:

– Моисеевы дети – это три брата из Персии, жившие за четыре века до аль-Джазари. Аль-Джазари в своем труде упоминает их имена, называя источником вдохновения. Я и не думал, что до наших дней сохранился хоть экземпляр их работы.

– Не понимаю, – прошептал Франческо, подходя ближе. – Что это за книга?

Леонардо накрыл ладонью страницы с древним текстом.

– Подлинное чудо. «Книга об остроумных устройствах».

– Но... – Франческо перевел взгляд на книгу, лежавшую подле нее, которую он с таким трудом отыскал.

– Да, – признал Леонардо, – наш высокочтимый аль-Джазари назвал свое творение в честь более древнего труда, слегка изменив заглавие. Говорят, эти три брата, Моисеевы дети, десятилетиями вслед за падением Римской империи собирали и сберегали греческие и римские тексты. Со временем братья, основываясь на обретенных знаниях, составили собственную книгу изобретений.

– Однако, – присоединился к ним папа, – братьев интересовали не только познания в науке. – Открыв книгу в самом конце, понтифик вынул из нее стопку невшитых страниц. – Что скажете?

Леонардо прищурился, вглядываясь в испещренный вязью пожелтевший пергамент.

– Это раннеарабский, – покачал он головой. – Я не большой его знаток. Со временем, может статься, у меня и вышло бы...

– В моем распоряжении есть знатоки арабского, – отмахнулся папа. – Им удалось перевести текст. Похоже, это одиннадцатая часть одного крупного поэтического произведения. Вступление гласит: «К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собрались все мы и, сдвинувши черный корабль на священные воды, мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали».

Франческо нахмурился, гадая, где он уже слышал эти строки.

Понтифик тем временем продолжил декламировать перевод по памяти:

– «Взявши барана и овцу с собой, на корабль совокупно взошли, сокрушенные горем, лиющие слезы... и пошли по течению вод Океана берегом к месту, которое мне указала Цирцея».

Франческо, не в силах сдержаться – до того сильно было удивление, – ахнул, перебивая папу:

– Цирцея... Так ведь это же из...

Леонардо сдвинул страницы и подтвердил его догадку:

– Хотите сказать, это перевод «Одиссеи» Гомера?

Не скрывая гордости, Его Святейшество кивнул.

– Сделанный на арабский приблизительно девять веков назад.

Если так, то это, выходит, самое раннее письменное изложение поэмы. Дар речи вернулся к Франческо, и он спросил:

– Откуда же здесь, в персидской книге о механических устройствах?...

– Возможно, причина в этом.

Папа показал последнюю невшитую страницу, на которой была выполнена затейливая иллюстрация. Она напоминала механическую карту с шестернями, витыми проволоками, и охватывала Средиземноморье и примыкающие земли. Тем не менее выглядела карта незавершенной.

– Что это? – спросил Франческо.

– Загадка, – обратился папа к Леонардо, – которую, как я надеюсь, вы, мой дорогой друг, сумеете решить. Мои переводчики осилили всего лишь несколько намеков.

– Каких же? – Глаза Леонардо горели возбуждением. Тайна его заинтриговала.

– Первая подсказка. – Папа постучал пальцем по страницам с арабским переводом «Одиссеи». – В этой песне рассказывается о сошествии Одиссея в подземный мир, в страну Аида и Персефоны, то есть в греческий ад.

Франческо недоуменно нахмурился.

Папа указал на иллюстрацию с механизмом и пояснил:

– Похоже, что Моисеевы дети пытались сконструировать устройство, которое указало бы им путь. – Тут он очень пристально посмотрел на Леонардо. – Дорогу в преисподнюю.

– Бессмыслица, – усмехнулся художник.

– С какой стати братьям было искать дорогу в такое место? – вздрогнув, спросил Франческо.

Папа пожал плечами:

– Никто не знает, но меня это тревожит.

– Почему? – спросил Леонардо.

Папа посмотрел на маэстро и его подмастерье, словно готовясь исповедаться. Потом указал на последнюю строку под иллюстрацией.

– Здесь сказано, что Моисеевы дети отыскиали его. Обнаружили вход в ад.

Часть первая

Атлас Бурь

Море – это бескрайние просторы, на которых великий корабль выглядит крохотной щепкой; как ничтожество между небесами вверху и водой внизу. Когда оно спокойно, сердце моряка разбито, когда бушует, чувства его в смятении. Веры ему мало. Страшишься его. Человек в море – лишь червь на куске дерева, которого оно то пленил, то пугает до смерти.

Амр ибн аль-Ас, арабский покоритель Египта, 640 г.

Глава 1

21 июня, 9:28 по западногренландскому летнему времени.

Гренландия, фьорд Сермилик

В морском тумане притаилось чудовище.

Лодка нырнула в дымку, и утренний свет потускнел, сменившись хмурыми сумерками. Плотная завеса глушила даже тарахтенье подвесного мотора. За какие-то секунды температура резко упала: только было чуть ниже нуля, и вот уже больно дышать, потому что в легкие словно вонзаются ледяные кинжалы.

Доктор Елена Каргилл кашлянула от неприятного ощущения и поглубже зарылась в ярко-голубую парку, застегнутую под самое горло поверх гидрокостюма сухого типа. Все до единой белокурые пряди она спрятала под плотную шерстяную шапочку в масть шарфу.

«Что я тут делаю?» – спрашивала она себя.

Еще вчера Елена обливалась потом на раскопках в Северном Египте: вместе с командой кропотливо вскрывала прибрежную деревушку, которую Средиземное море поглотило четыре тысячи лет назад. Редкая честь руководить совместной американо-египетской группой, особенно для того, кому до полного тридцатилетия еще целых два месяца. Впрочем, место свое она заслужила: две степени доктора наук – по палеоантропологии и археологии плюс выдающиеся достижения в полевой работе. И вообще, ради этих раскопок она отказалась от поста преподавателя в родной альма-матер, Колумбийском университете.

Елена, впрочем, подозревала, что руководство командой принесли не только академические достижения и полевая работа. Ее отец, сенатор Кент Каргилл, представлял великий штат Массачусетс. Настаивал, конечно, мол, не потянул ни за одну ниточку, но он все же был профессиональным политиком, переизбранным на четвертый срок, ложь – его вторая натура. К тому же отец председательствовал в Комитете по международным отношениям. Если он даже никому ничего не сказал, его положение в сенате явно повлияло на чье-то решение.

«Да и как иначе?»

А потом Елену внезапно позвали на обледенелые пустоши Гренландии. Ну, хоть в этот раз просил не отец, а коллега, точнее подруга: она лично умоляла прилететь и взглянуть на недавнее открытие. Впрочем, с раскопок в Египте Елену выдернуло скорее любопытство, чем чувство дружбы. Особенно будоражило сказанное коллегой напоследок: «Ты непременно должна это видеть. Возможно, мы перепишем историю».

И вот вчера она села на рейс до Исландии, а из Рейкьявика на турбовинтовом самолете долетела до деревушки Тазилак на юго-западе Гренландии. Переночевала в одном из двух

отелей, за рагу из морепродуктов на ужин попыталась расспросить об открытии. Отвечали ей недоуменными взглядами и мотали головой.

К утру она так и не узнала ничего нового. Похоже, в курсе было всего несколько местных, да и те не спешили делиться информацией.

Сейчас она с незнакомыми мужчинами в лодке пересекала мертвенно-тихий фьорд, окутанный плотным, как сметана, туманом. Утром подруга прислала сообщение, обещая присоединиться к ней после обеда.

Над водой, потревожив окружающую лодку гладь, разнесся низкий рев, и Елена вздрогнула. Казалось, чудовище впереди учуяло их приближение. Ночью громкие звуки не давали уснуть, только усиливая напряжение.

Сидевший впереди рыжебородый гигант обернулся. Румяные щеки и красный нос, желтая парка нараспашку – он будто не чувствовал холода. Его представили: канадский климатолог, имени Елена не запомнила. Шотландское вроде бы... Пусть будет Маккинг. По продубленному на морозе лицу Елена никак не могла определить его возраст: не то слегка за двадцать, не то все сорок.

– Ледниковое землетрясение, – пояснил он, махнув рукой вперед, когда грохот стих. – Не стоит беспокоиться. От Хельхейма откалывается лед. Вон та глыба впереди – один из самых быстродвижущихся ледников в мире, каждый день сползает метров на тридцать в сторону океана. В прошлом году от него здоровенный кусок отвалился, шириной мили в четыре, милю в поперечнике и толщиной в полмили.

Елена попыталась представить, как мимо проплывает айсберг размером с Нижний Манхэттен.

Климатолог вгляделся в туман.

– Толчки тогда длились целый день, их зафиксировали сейсмометры по всему миру, – сказал он.

– Это должно меня успокоить? – вздрогнув, спросила Елена.

– Простите. – Климатолог широко улыбнулся, и даже туманная пелена не смогла скрыть блеска в его глазах. Он сразу показался Елене гораздо моложе. Всего на пару лет старше ее. Елена вдруг вспомнила его имя: Дуглас Макнаб.

– Из-за этой активности я сюда два года назад и приехал, – признался Макнаб. – Подумал, что надо ее исследовать, пока могу.

– В каком смысле?

– Я участвовал в операции НАСА «Ледяной мост» – наблюдение за гренландскими ледниками при помощи радара, лазерных высотометров и камер высокого разрешения. Особенно пристально следят за Хельхеймом, он за последние двадцать лет отступил почти на три мили и ужасся в толщине на три сотни футов. По Хельхейму судят обо всей Гренландии: ледники тают в шесть раз быстрее, чем тридцать лет назад.

– А если весь лед здесь сойдет?

Климатолог пожал плечами:

– Талая вода из одной только Гренландии поднимет уровень моря больше чем на двадцать футов.

На высоту двухэтажного здания... Елена вспомнила раскопки в Египте, древние руины, наполовину затопленные Средиземным морем. Неужели все прибрежные города ждет та же участь?

– Не разводи панику, Мак, – со вздохом посоветовал сидевший по правому борту худой брюнет. Если описывать его одним словом, лучше всего подошло бы «угловатый». Казалось, он весь состоит из острых углов: от колен и локтей до выступающего подбородка и высоких скул.

– Даже при нынешних тревожных тенденциях, – продолжил брюнет, – описанное тобой если и случится, то через сотни лет. Видел я твои данные и данные НАСА. Провел собственные

корреляции и экстраполяции: когда речь идет о климате и цикличной природе планетарной температуры, то число переменных в игре становится слишком высоким для твердых...

– Знаешь, Нельсон, я бы твои оценки беспристрастными не назвал. Ты же на зарплате у «Аллайд глобал майнинг».

Елена по-новому взглянула на геолога. Когда ее представили Конраду Нельсону, никто и словом не обмолвился, что он работает на горнодобывающую компанию.

– А кто выдал грант тебе, Мак? – парировал Нельсон. – Консорциум «зеленых»? Они уж точно не влияют на твои оценки.

– Данные есть данные.

– Правда? Скажи еще, что их нельзя исказить. Трактовать в свою пользу.

– Можно, конечно.

Нельсон приосанился, явно поверив, что доказал свою точку зрения, однако его оппонент еще не закончил.

– «АГМ» только этим и занимается, – напомнил Макнаб.

Нельсон показал ему средний палец.

– На-ка вот, интерпретируй.

– Гм-м, похоже на признание моей правоты.

Нельсон фыркнул и опустил руку.

– В общем, я предупредил: данные можно истолковать неверно.

Туман резко пошел на убыль, расступаясь и открывая то, что лежало впереди.

Нельсон решил поставить точку.

– Оглянись и скажи, что ледники скоро закончатся.

В сотне ярдов впереди мир оканчивался стеной льда. Ледник простирался насколько хватало глаз. Его неровный фасад напоминал укрепления замороженного замка с покрытыми изморозью парапетами и ветхими башнями. Свет утреннего солнца преломлялся на поверхности, раскрашивая ее во все оттенки синего: от бледно-голубого до зловеще черного. Воздух искрился крохотными кристалликами.

– Вот это громадина, – произнесла Елена, ощущая, впрочем, что никакими словами величину этого монстра не передать.

Улыбка Мака сделалась еще шире.

– Так точно. Хельхейм простирается на четыре мили в ширину и уходит на сотню с лишним миль в глубь материка. Местами толщина льда превышает милю. Это один из крупнейших ледников, питающих Северную Атлантику.

– Вот он, стоит, – сказал Нельсон. – И еще сотни лет никуда не денется.

– Нет, если учесть, что Гренландия ежегодно теряет триста гигатонн льда.

– Это ни о чем не говорит. Ледяной щит Гренландии всегда переживал взлеты и падения. Один ледниковый период сменяется другим.

Елена отключилась, предпочитая не слушать спор, тем более что оппоненты все дальше уходили в подробности. Враждовать они не враждовали, им просто нравилось дискутировать. Те немногие, кто жил в таких суровых условиях, спланивались духовно и бранились по-дружески, даже эти двое, совершенно по-разному смотрящие на климатические изменения.

Елена рассматривала молчаливые сияющие горы. Рулевой, инуитский⁸ старейшина с круглым плотным лицом и непроницаемым взглядом черных глаз, ловко вел лодку в ледяном лабиринте, одновременно попыхивая костяной трубкой и огибая каждую глыбу по широкой дуге. Вскоре Елене стала понятна причина таких маневров – когда один с виду небольшой айсберг перевернулся, сделав полный оборот и обнажив массивный ледяной шельф. Окажись они в этот момент поблизости, гора потопила бы лодку.

⁸ Инуиты – эскимосская народность.

Елена быстро вспомнила о скрытых опасностях.

Даже имя ледника намекало на угрозу.

– Хельхейм... – пробормотала Елена. – Царство Хель.

– Точно, – услышав ее, произнес Мак. – Ледник назвали по имени царства мертвых у викингов.

– Кто его так назвал?

Нельсон тяжело вздохнул.

– Кто ж знает? Какой-нибудь скандинавский исследователь, наделенный язвительным чувством юмора и любовью к северной мифологии.

– Мне кажется, корнями история уходит глубже, – поделился соображением Мак. – Инuitы верят, что бывают коварные ледники, рассказывают об этом детям и внукам. Хельхейм как раз коварный ледник. По инуитскому поверью, он служит пристанищем для Tuurngaq, что в переводе означает «дух-убийца». Демон.

Рулевой сплюнул за борт и проворчал:

– Не поминай.

Видимо, суеверия жили и по сей день.

Мак понизил голос:

– Держу пари, некоторые из этих древних легенд и послужили истинной причиной, по которой Хельхейм получил свое имя.

Елена огляделась и решила-таки задать вопрос, не дававший покоя с тех самых пор, как она села в лодку:

– Куда именно мы направляемся?

Мак указал на черную арку в ледяной стене. Они уже достаточно приблизились к ней, чтобы Елена сумела разглядеть проход, тенистую расселину в фасаде. Обрамляющий ее лазурный лед словно бы светился изнутри.

– На прошлой неделе откололся крупный кусок, обнажив широкий канал протаивания.

Из расселины бил поток воды, которому хватало силы размыть крошево в тоннеле. Плавающие куски льда скребли по бортам лодки, точно ножи о сталь. У Елены даже заболели зубы. А стоило ей наконец просчитать траекторию пути и понять, что поблизости нет берега, как ее до самых костей пробрал холод.

– Мы... мы что, внутрь плывем? – спросила она.

Мак кивнул.

– В самое сердце Хельхейма.

«Иными словами, спускаемся в мир мертвых».

9:54

Лодка приближалась к леднику, а Дуглас Макнаб настороженно следил за пассажиром. Глянув искоса на доктора Каргилл, он заметил, как она побледнела и вцепилась в планшир.

«Держись, малышка, оно того стоит», – мысленно обратился он к ней.

Когда ему сообщили, что из Египта к нему в Гренландию прилетает археолог-женщина, – он не знал, чего ждать. Думал, что приедет либо женская версия Индианы Джонса, либо очкастая неженка. Реальность презентовала кого-то среднего: доктор явно растерялась, но не артачилась. Помимо тревоги, в ее глазах читалось еще и упрямство вперемешку с любопытством.

И уж конечно, он не ждал, что доктор окажется такой красивой: в меру фигуристая, без тонн макияжа, жилистая и одновременно крепкая; полные губы. Высокие скулы разругались на морозе, в уголках глаз залегли тонкие морщинки – то ли оттого, что доктор много щурилась на пустынном солнце, то ли от долгих часов над научными трудами. Своим акаде-

мичным видом она напоминала строгую училку. А еще Дуглас Макнаб обнаружил, что выбившийся из-под шапочки льдисто-белокурый локон выглядит необычайно привлекательным.

– Смотри вперед, Мак, – напомнил Нельсон. – Если только не хочешь врезаться в подводную гору.

Мак развернулся, чтобы скрыть подступающий к лицу жар и вместе с тем всмотреться в глубины ледника прямо по курсу. Синяя вода тем временем сделалась мутно-бурой из-за ила.

Мак вновь стал высматривать скрытые опасности как под водой, так и в разрушающемся склоне ледника. Впрочем, Джон Окалик, их инуитский проводник, читал лед куда зорче. Местный, он ходил этими коварными водами с самого детства, почти пять десятков лет. А его предки и того дольше – множество поколений.

Впрочем, он не спешил ослаблять бдительность. В ширину устье было десять ярдов, а в высоту – вдвое больше. Впереди показалась еще одна металлическая лодка, привязанная к вбитым в ледяную стену колышкам. В ней сидело двое с крупнокалиберными винтовками на коленях.

Джон привстал и быстро заговорил с ними. Эти двое, как и большинство жителей деревушки Тасилак, приходились ему родней.

Мак вертел головой, пытаясь уследить за ходом разговора. Он довольно бегло говорил на калааллисите, основном наречии местных инуитов, но эти трое общались на диалекте туну-миите.

Наконец их рулевой вернулся на место у руля.

– Ну как, Джон, добро? – спросил Мак.

– Братья говорят «да». Река еще открыта.

Джон запустил двигатель и направил лодку в канал. В замкнутом пространстве рокот боровшегося с течением мотора усилился.

Елена неотрывно смотрела на сужающийся позади проход... и на вооруженных местных.

– Зачем охрана? – поинтересовалась она. – Тут что, полярные медведи купаются?

Догадка резонная. Опасаться этих здоровенных белых хищников стоило, особенно учитывая, как далеко они могут проплыть, хотя арктический паковый лед – это вызов даже для таких выносливых тварей.

– Не в медведях дело, – ответил Мак. – На месте сами всё поймете.

– А где...

– Уже недалеко, – заверил он доктора Каргилл. – И по-моему, лучше вам заранее ни на что не настраиваться. – Он взглянул на Нельсона. – Вот как мы все обнаружили: приехали сюда с Нельсоном три дня назад. Главным образом, азарта ради, но хотелось еще, конечно, глянуть, что творится за ледяным фасадом Хельхейма. Можно просто бурить на мили вглубь, подбираясь к ядру и анализируя запертые во льду древние газы, а вот самому оказаться у истоков, в сердце ледника – возможность редкая.

– Я отправился с Маком, чтобы взять образцы, – подхватил Нельсон, одновременно пытаясь открыть водонепроницаемый рюкзак, – искал любые залежи минералов, перемолотых этим гигантским ледяным совком, который бороздит лик Гренландии.

– Что, минералы? Здесь? – спросила Елена.

Нельсон пыхтя расстегнул-таки вошеную молнию.

– Подлинное сокровище Гренландии не в пресной воде из ледников, а в том, что таится под ними. Настоящий рог изобилия, непочатый край. Золото, алмазы и рубины, крупные медные и никелевые жилы. Редкоземельные элементы. Для Гренландии и ее жителей это огромное благо.

– И для «АГМ», которая тоже набьет карманы, – с нажимом произнес Мак.

Нельсон в ответ только фыркнул и принялся настраивать некий прибор.

Елена всматривалась в недра тоннеля, стенки которого постепенно темнели.

– Глубоко уходит тоннель?

– До самого скалистого побережья, – ответил Мак. – Мы идем сквозь язык льда, протянувшийся на три четверти мили от береговой линии.

10:02

«Боже мой...»

Едва Елена узнала, что ее ждет, как стало трудно дышать. Она попыталась представить тяжесть нависшего над ними льда, вспомнив рассказ Мака об отколовшейся глыбе размером с Нижний Манхэттен.

«А если бы мы в это время были внутри?»

Стало совсем темно, и Мак зажег прожектор на носу лодки. Луч света глубоко пронзил тьму, и в голубоватой толще льда засияли прожилки, похожие на древнюю карту залежей минералов.

Елена сделала глубокий вдох, стараясь унять тревогу. Спуститься в гробницу для нее – дело привычное, но это – совершенно иное. Тут кругом лед. Она ощущала его на языке, вдыхала его. Он окружил ее со всех сторон. Она была внутри льда, а лед – внутри ее.

Наконец впереди, куда не добивал луч прожектора, забрезжил свет.

Мак обернулся и подкрепил ее надежду словами:

– Почти на месте.

Взревев напоследок мотором, лодка подплыла по реке туда, где голубой лед оканчивался черной каменной аркой. Сам канал уходил дальше, поднимаясь порогами по разбитому камню и льду, но аккумуляторный осветительный столб обозначал конец пути, как одинокий маяк в застывшем мире.

Джон направил лодку к берегу, где поток воды завихрялся, и Мак привязал ее к вбитому в ледяную стену колышку.

Елена встала, балансируя в раскачавшейся лодке, и, вытянув шею, стала разглядывать длинный корпус деревянного корабля, киль и борта которого почернели от времени.

– Откуда он вообще тут? – пробормотала она.

Мак помог ей выбраться на пяточок влажного камня.

– Я бы предположил, что команда искала укрытия в гроте. – Он обвел рукой толщу черного камня у них над головами. – Моряки, наверное, попали в ловушку, их приморозило к месту, а потом и вовсе поглотило льдом.

– Как давно это случилось? – спросила Елена.

– Судя по возрасту льда, – сказал Нельсон, выбираясь из лодки, – в девятом веке.

Мак внимательно посмотрел на Елену.

– Все думали, что Новый Свет открыл Христофор Колумб в тысяча четыреста девяносто втором году. Правда, потом он утратил титул первооткрывателя, когда выяснилось, что в конце десятого века в Гренландии и на севере Канады обосновались викинги.

– Если вы не ошиблись с датой, то выходит, что это судно застряло тут на целый век раньше, – подытожила Елена. – И ходили на нем не викинги.

– Мы тоже так подумали. Правда, тут мы не специалисты.

Нельсон кивнул.

– Вот вас и вызвали.

Теперь все стало ясно. У Елены были две ученые степени, но основная ее специальность – морская археология. Ей потому и поручили раскапывать поглощенный Средиземным морем египетский портовый город: она обожала находить все более ранние свидетельства того, когда человечество отважилось бороздить морские просторы, не переставая восхищаться смелостью и конструкторскими решениями первых мореплавателей. Эта страсть зародилась в ней еще

в детстве, когда они с отцом каждое лето ходили под парусом у берегов Мартас-Винъярд⁹. Детские воспоминания о тех редких моментах до сих пор грели душу. Даже в колледже Елена выступала за команду университета в чемпионате Лиги Плюща по гребле.

– Догадываетесь, откуда этот кораблик родом? – спросил Мак.

– Чего тут гадать? – Она направилась к корме. Форштевень все еще оставался в плену у льда. – Смотрите, как сшиты облицовочные доски: нити из кокосовой веревки. Решение очень характерное.

– Кокосовая веревка?

Елена кивнула и прошла туда, где флагштоками торчали две переломленные мачты с обрывками парусов.

– Паруса латинские, треугольные, материал – полотна из пальмовых листьев.

Нельсон нахмурился.

– Кокос и пальмовые листья. Точно не викинги.

– Перед нами самбук, один из крупнейших дау¹⁰ в арабском мире. А у этого еще и палуба есть, что делает его редчайшим океанским купеческим судном.

– Если вы правы, – произнес Мак, – в чем я лично не сомневаюсь, то перед нами свидетельство того, что первыми на эту землю ступили не викинги, а арабы.

Говорить уверенно Елена не торопилась. Сперва требовалось произвести радиоуглеродный анализ. Однако подруга, коллега, вызвавшая ее сюда, была права: открытие и правда способно переписать историю.

Нельсон прошел следом за Еленой, поводя из стороны в сторону своим прибором.

– К несчастью, моряки так и не вернулись домой и никому ничего не поведали.

– Или же не вернулся только один из них, – добавил Мак. – На борту нашлось тело. Что стало с остальной командой, неизвестно.

Елена резко обернулась, и Мак, включив фонарик, едва не ослепил ее.

– Так вы поднимались на борт?

Мак указал на пробоину от валуна.

– Это еще одна причина, по которой вас рекомендовали. Мы сделали и иные открытия. Идем.

Он провел ее к застрявшему во льду кораблю и, повернувшись боком, втиснул свою тушу в трещину.

– Ступайте осторожнее и старайтесь не задевать опоры. Повезло еще, что лед не расплющил корабль. Должно быть, его защищал свод пещеры.

Елена забралась внутрь за Маком, Нельсон – за ней. Джон остался в лодке и попыхивал трубкой. Сейчас, когда мотор заглушили, пещера снова погрузилась в мертвенную тишину, словно весь мир затаил дыхание. Постепенно уши Елены привыкли, и она стала слышать ледник, как стонут и вздыхают стены. В тоннеле разносилось эхо, как будто некое гигантское существо глухо скрежетало зубами.

Близость опасности горячила кровь, но не настолько, чтобы удержать Елену от исследования древнего корабля.

Фонарик Мака осветил трюм, схваченные льдом опоры. В воздухе витал странный маслянистый душок, похожий на запах растворителя или бензина. Вдоль изогнутых бортов тянулись ряды высоких глиняных кувшинов. Один из них давно разрушился, словно взорвался изнутри. Проходя мимо него, Елена уловила сильный запах мокрого асфальта. Впрочем, с анализом содержимого сосуда можно было не спешить.

Мак явно намеревался показать нечто конкретное.

⁹ Курортный остров недалеко от Бостона.

¹⁰ Общий термин для арабских кораблей под латинским парусом (в виде прямоугольного треугольника).

Он провел их в носовую часть судна, где ступеньки поднимались к двери.

– По видимости, это капитанская каюта.

Он первым взошел по ступенькам, открыл дверь и, согнувшись, втиснулся внутрь. Шагнул в сторонку, помогая Елене подняться. У нее сперло дыхание, коленки чуть не подгибались от возбуждения с примесью ужаса.

Вдоль стен без иллюминаторов тянулись полки, заваленные сгнившими книгами и свитками. В передней части, повторяя контур носа, помещался стол.

– Приготовьтесь, – предупредил Мак.

Он подвинулся, уступая дорогу, Елена машинально шагнула вперед... и отпрянула. За столом, упав щекой на крышку, сидел человек в накидке из шкуры белого медведя.

Чтобы успокоиться, Елена сделала глубокий вдох. В Египте ей доводилось вскрывать мумии, однако это тело обеспокоило ее не на шутку: почерневшая кожа как будто срослась с темной столешницей, хотя сохранилась прекрасно. Не выпали и ресницы, обрамляющие белые глаза. Казалось, мертвец вот-вот моргнет.

– Похоже, капитан ушел вместе с кораблем, – задумчиво произнес Нельсон, не отрываясь от прибора.

– Может, он оберегал вот это? – произнес, подсвечивая фонариком, Мак. Одной высохшей рукой мертвец накрывал металлический ларец фут на фут и полфута в высоту. Почерневший, как и все вокруг, ящичек стоял петлями к носу корабля.

– Что это? – Елена придвинулась поближе к Маку. Рядом с великаном она чувствовала себя спокойнее.

– Вот вы нам и скажите.

Перегнувшись через мумию, Мак поднял крышку, и на мгновение Елену ослепило исходящее изнутри сияние. Впрочем, то был просто отраженный от золотой изнанки свет фонарика.

Пораженная увиденным, Елена подалась вперед.

– Карта. – Она присмотрелась получше к трехмерному изображению морей и океанов, континентов и островов. Взглядом охватила самый крупный участок воды в центре, выложенный бесценной ляпис-лазурью. – Это, должно быть, Средиземное море.

Карта показывала не только его, но и север Африки, Ближний Восток, весь европейский континент и окружающие его океаны. Она простиралась до Атлантики, обрываясь у Исландии и Гренландии.

«Моряки вышли за пределы своей же карты».

Вот только зачем? Искали новые земли? Сбились с курса? А может, бежали от опасности? В голове роились сотни вопросов.

В верхней части, наполовину утопленное в карту, помещалось искусное серебряное устройство в форме шара диаметром шесть дюймов. Поверхность шара была разделена механическими стрелками; окружающие его обручи долготы и широты были подписаны арабскими символами и цифрами.

– Что это? – спросил Мак, заметив, как пристально она изучает устройство.

– Астролябия. Прибор, который штурманы и астрономы использовали, когда надо было определить судовое время, а также положение корабля и даже небесных тел. – Елена обернулась к Маку. – Ранние астролябии были просты в устройстве, представляли собой плоские диски. А эта сферическая конструкция... на столетия опережает свое время.

– Это еще не все, – сказал Мак. – Взгляните.

Под рукой капитана оказался неприметный рычажок. Мак щелкнул им, и изнутри послышалось тиканье: астролябия стала вращаться, приводимая в движение скрытым механизмом.

По просторам выложенного драгоценным камнем Средиземного моря пополз крохотный серебряный кораблик, вышедший из порта нынешней Турции.

– Что скажете?

Елена, зачарованная не меньше самого Мака, покачала головой.

– Ребята, – откашлявшись, позвал Нельсон. – Может, лучше не трогать?

Мак с Еленой обернулись. Глядя в экран прибора, Нельсон подкрутил ручку настройки, и послышалось тихое щелканье.

– В чем дело? – спросил Мак.

– Я уже говорил, что Гренландия – кладезь всевозможных ресурсов. Про один я рассказать забыл. Уран. – Он поднял прибор повыше. – Первый раз, когда мы сюда проникли, я не прихватил с собой счетчик Гейгера, но в этот раз решил исправить промах.

Елена уставилась в потолок, будто сию минуту разглядеть сквозь доски палубы свод пещеры.

– Хотите сказать, что мы сейчас в самом сердце урановых залежей?

– Нет. Я только сейчас засек излучение... сразу, как Мак открыл ларец. – Нельсон поднес счетчик поближе к карте. Щелчки стали громче и чаще. – Устройство радиоактивно.

Мак выругался и поспешил закрыть крышку.

Все трое попятились.

– Фон сильный? – спросил Мак.

– Каждую минуту, находясь тут, мы получаем дозу примерно как на флюорографии.

– Оставим пока ларец тут. – Мак повел их назад к трюму. – Охрана на входе в тоннель пусть не уходит: вдруг слух о сокровище достигнет не тех ушей. Вернемся позже, захватим свинцовый контейнер и заберем устройство. Доставим в безопасное место.

Они выбрались из замерзшего корабля на берег ледяной реки. Мак предложил разумный план, однако Елену снедало сильное нетерпение. Она с тоской посмотрела на пойманный в ловушку корабль. Хотелось как можно скорее узнать его историю.

По тоннелю разнесся громopodobный рокот. Берега затрещали, и в воду посыпались куски льда.

Елена поспешила вслед за Маком.

– Еще землетрясение?

– Нет...

Эхо взрыва смолкло, и донесся новый звук – частые хлопки, будто рвалась связка петард.

Елена пристально посмотрела на Мака.

– Стреляют, – сказал он, беря ее за руку. – На нас напали.

Глава 2

*21 июня, 12:28 по Гринвичу.
Исландия, Рейкьявик*

«Да кому пришла в голову эта мысль?!»

Джо Ковальски с пытением погрузил свое немаленькое тело в горячий источник. На лбу выступили градины пота, подушечки пальцев сморщились. Кривя губы, он вдыхал исходящий от сернистых вод запах тухлых яиц. Не дай бог потом он к телу пристанет.

Вот тебе и перерыв на романтику.

Под таким предлогом Мария Крэндолл предложила остановиться в «Голубой лагуне». Курорт стоял на черном лавовом поле, покрытом пятачками мшистой зелени. А еще он находился на полпути от исландского Международного аэропорта Кефлавик – где они час назад приземлились – к небольшому внутреннему аэропорту на краю Рейкьявика. Только оттуда можно было вылететь в Гренландию. К несчастью, до ближайшего рейса оставалось целых три часа.

Вот Мария и предложила сделать небольшой крюк, чтобы скоротать время.

Джо со вздохом высунул из воды руку, чтобы посмотреть на часы... и покачал головой при виде голого запястья. Отсутствующие часы напомнили, что когда они регистрировались в этом уголке курорта под названием «Ретрит», им сделали три предупреждения.

Во-первых, помыться перед погружением в источник. Душ стал единственной частью приключения, которая Джо понравилась. В отдельной кабинке при раздевалке он намылил каждый дюйм стройного тела Марии, наслаждаясь его изгибами, когда она наклонялась, когда собирала мокрые светлые волосы в пучок на макушке, как ее груди приподнимались при каждом...

«Стоп. – Ковальски поерзал. – Сейчас лучше подумать о чем-нибудь другом».

Горячий источник – это все же общественное место.

Чтобы отвлечься, он вспомнил, чего ради вообще приехал сюда.

Второе предупреждение гласило: в пределах связанных бассейнов никаких сотовых. Собственно, так даже лучше. Особенно если вспомнить, что из знойной Африки вырвал и заставил лететь в морозную Гренландию неприятный звонок от босса, директора Пейнтера Кроу.

Ковальски с Марией приехали в Конго, планируя провести неделю в национальном парке Вирунга. Мария надеялась повидать Баако, западную равнинную гориллу, которую два года назад выпустила на волю¹¹. Ковальски тоже на это надеялся: здоровенный мохнач оставил в его сердце огромную зияющую дыру. И вот когда позвонил Пейнтер и, рассказав о некой находке в Гренландии, велел Марии отправляться на место, пришлось скрывать разочарование. У Марии имелось две степени – в геномике и поведенческих науках, но специализировалась она на доисторическом времени. Глубоко во льдах Гренландии обнаружили древний корабль с бесценным сокровищем на борту. Марию новость заинтриговала моментально, и она предложила подрядить бывшую коллегу из Колумбийского университета и по совместительству подругу, специалиста по морской археологии.

Встретиться с ней договорились в Гренландии, сразу как приземлятся. Ковальски чуть было снова не глянул на отсутствующие часы, и это напомнило о третьем запрете: геотермальная морская вода богата едким кремнием, вредным для металлических предметов. Цепочки, кольца и часы пришлось оставить в раздевалке. Дешевые «Таймекс» Ковальски тоже.

Впрочем, это было не самое большое разочарование.

¹¹ События, связанные с Баако, описываются в романе Роллинса «Костяной лабиринт».

Мрачный Ковальски глубже погрузился в воду.

Он-то надеялся, что воссоединение с Баако станет идеальным моментом. Сбыться надеждам было не суждено, поэтому, когда Мария предложила смотаться к горячим источникам, Ковальски это показалось отличным запасным вариантом. Он ожидал увидеть пальмы, пузырящиеся ванны, бокалы шампанского... а угодил в сообщающиеся бетонные бассейны, полные сернистой воды, в окружении неприветливых вулканических скал.

«Видать, не судьба...» – покачал головой Ковальски.

Они с Марией определено в разных лигах.

Он – простой военный моряк, который случайным образом попал в элитную секретную группу, связанную с ДАРПА¹². Его товарищей по отряду «Сигма» набрали из различных подразделений спецназа, подтянув в науках. У Ковальски за душой был аттестат о среднем образовании да врожденная способность все взрывать, что делало его экспертом-подрывником. Своей ролью он гордился и все же никак не мог отделаться от глубоко засевшего синдрома самозванца. Символом группы служила греческая буква «сигма», Σ, она символизировала «сумму всего наилучшего», сплав ума и силы, гибрид солдата и ученого. Правда, «Сигма» больше рассчитывала на крепость его мускулов, нежели на остроту ума.

«Не то чтобы я возражал».

Ковальски боялся только, что возражать станет кое-кто другой.

Услышав громкий свист, он поднял взгляд. Мария плыла к нему на спине, по-лягушачьи отталкиваясь ногами. В поднятых руках она держала по бокалу с напитком.

– Подашь девушке руку, здоровяк?

Ковальски с ухмылкой медленно похлопал в ладоши.

– Выбрось лабораторный халат и ступай в официантки. Прямо в этом бикини. Состояние заработаешь.

Скользнув к нему на устроенную под водой полку для сидения, Мария умудрилась не пролить ни капли.

– Держи.

Она протянула Ковальски высокий бокал с подозрительной зеленой бурдой.

– Надо думать, это не пиво, – произнес он.

– Прости, но тут все про здоровье.

– Ты принесла мне водорослей.

– Свежие. Сегодня утром соскребли со стенок бассейна.

По лицу Марии Ковальски так и не понял, серьезно она или нет.

Мария закатила глаза и прислонилась к нему.

– Это смузи, балбес! Кале¹³ и шпинат вроде бы...

Ковальски отвел бокал в сторону.

– Я бы лучше водорослей из бассейна выпил.

– Их тоже положили, смешав с бананами. Очень кстати, если подумать... – Она чокнулась с ним. – За Баако.

Ковальски принялся и наморщил нос.

– Фу, такое даже горилла с голодухи не выпила бы.

– А если скажу, что я подкупила бармена и он подмешал тебе три рюмки рома?

– Правда?... – Ковальски передумал и сделал глоточек. Ощутил привкус банана... и сладость рома, обжигающего язык и глотку. Ковальски одобрительно кивнул.

«Очень даже ничего».

¹² Англ. DARPA, Defense Advanced Research Projects Agency – научно-исследовательское управление Министерства обороны США. ДАРПА разрабатывает передовые технологии для нужд военного ведомства.

¹³ Разновидность капусты.

Мария сделала глоток и взглянула на Ковальски большими голубыми глазами.

– Себе я, конечно, попросила добавить все четыре.

Ковальски обиженно посмотрел на нее.

Рука Марии скользнула по его голой ляжке прямо под плавки.

– Ты нужен мне трезвым. У меня есть планы на тебя, когда вернемся в душ. Я же знаю, тебе спиртное бьет по...

– Прошу прощения, – произнесли позади них.

Ковальски и не заметил, как к ним подошел стройный мужчина в поло с символикой «Голубой лагуны», а ведь он терпеть не мог, когда его застают врасплох. Особенно в такие моменты.

– В чем дело, парень? – чуть грубовато рявкнул Ковальски.

Мужчина протянул им на подносе сотовый телефон.

– Простите за беспокойство, но звонок срочный.

Ковальски взглянул на Марию поверх подноса.

Звонить мог лишь один человек.

Мария убрала руку с его бедра.

– Директор прямо чует, когда нас прервать, – сказала она.

«Свечку держит», – мысленно уточнил Ковальски.

Он взял телефон и поднес его к уху.

– Что на этот раз?

12:40

В раздевалке Мария просушила волосы полотенцем. На туалетном столике лежал фен, но пользоваться им она не решилась из страха, что не услышит звонок спутникового телефона.

Несколько минут назад директор Кроу позвонил на линию курорта, чтобы сообщить о неприятностях в Гренландии, и предупредил, что подробности они получают по закрытой линии связи телефона Джо, когда где-нибудь уединятся.

Однако Марии сказанного уже хватило.

Беда в Гренландии...

Опасаясь худшего, она едва могла дышать. Это ведь она пригласила Елену осмотреть останки корабля.

«Если с ней что-нибудь случится...»

В зеркало она видела, как Джо влезает в черные джинсы. Как, почесывая густую, влажно поблескивающую растительность, которая никак не скрывала накачанную грудь и четких кубиков пресса, хватается серую толстовку. Наконец Джо, пыхтя, влез в кофту и надел на бритый череп бейсболку с символикой «Янки».

Мария всмотрелась в жесткие черты его лица, в плотно сжатые губы и чуть изогнутый нос, однако ничего, кроме нетерпения, которое испытывала сама, прочесть не сумела. Джо подошел к туалетному столику, нависнув над Марией всей своей громадой, но она чуть отпихнула его локтем. Во-первых, хотела взять блузку, а во-вторых, ей казалось, что в тесноте дышать еще тяжелее. Куда бы Джо ни зашел, он словно занимал все свободное пространство, а это порой раздражало.

– Ты как? – спросил он.

Застегиваясь, Мария постаралась унять поднимающийся к лицу жар.

– Просто волнуюсь. Ненавижу ждать.

– С ней все будет хорошо.

– Откуда ты знаешь? – резко ответила Мария.

Надевая старые трекинговые ботинки, она чувствовала, как страх перерастает в гнев. Джо лишь хотел успокоить ее, защитить ее чувства, но именно это и бесило.

Два года назад, когда они познакомились, Марию сразу привлек к себе загадочный, даже опасный парень, определенно не похожий на всех, с кем она встречалась прежде. Знакомые мужчины были из академических кругов... пока в ее жизнь не ворвался этот зверь. Шумный, порывистый, курящий вонючие сигары. Мария никогда бы не подумала, что ей такой понравится. Однако Джо умел рассмешить ее, и смеялась она часто и от души. А уж плотская сторона знакомства сводила с ума.

Но разве в этом все дело?

Еще в самом начале Мария распознала в Джо человека глубокого. Очень ярко эта черта проявилась, когда он возился с маленьким Баако. Сквозь крохотные трещинки в броне крутого нрава просачивалась нежность, особенно когда Джо общался с гориллой на языке жестов, как отец с сыном. Правда, в последние месяцы эти трещинки затянулись, и Мария взяла Джо с собой в Африку. Причин выбрать в компаньоны его было много, но прежде всего она надеялась, что воссоединение с Баако смягчит душу Джо и вновь станет виден его внутренний свет.

Надежды не оправдались.

Мария задумалась, ждет ли их вообще совместное будущее.

«Хочу ли я его сама?»

У Марии была сестра, однополовый близнец Лена. Они росли вместе, и Марии нравилась близость, которая бывает лишь между единоутробными родственниками, между теми, у кого общая ДНК. И в то же время она боролась с генетической созависимостью. Стремилась к свободе, хотела быть сама по себе, уникальным человеком.

Потом в ее жизни появился Джо. Вот уж кто отбрасывал огромную тень, и не только в прямом смысле. А в последнее время он все больше и больше опекал Марию, порой переходя границы.

Что еще хуже, в последние несколько недель он отгородился от нее, почти не разговаривал, только пыхтел. Может, новизна отношений прошла и он устал от Марии?

«Или это я устала от него?»

Прерывая раздумья, раздался громкий звонок спутникового телефона.

Джо схватил трубку и подошел к Марии. Нагнулся пониже, чтобы она тоже все слышала.

– Слушаем, оба, – произнес он в трубку. – Что там у вас?

– Не хочу пугать, но десять минут назад сообщили о стрельбе. Вроде бы даже был взрыв на леднике, где доктор Каргилл исследует археологическую находку.

Мария подобралась. Господи боже...

– Побережье затянуто плотным туманом, так что визуальных данных нет. Не исключено, что просто охотники или еще кто отпугивают белого медведя. Однако я не хочу рисковать. В ближайшей деревушке Тасилаке есть небольшой полицейский участок, но весь состав участвует в поисково-спасательной операции на материке. Остался один офицер, его и отправили посмотреть, в чем там дело на леднике.

– Что требуется от нас?

– Срочно туда. Я связался с ВМС. Америка, конечно, свернула базу в Исландии, но недавно нам разрешили разместить несколько самолетов «Посейдон» из морской патрульной эскадрильи, чтобы следить за активностью русских подлодок в Арктике.

– Дайте угадаю, – сказал Джо. – Нас подбросят.

– Сейчас в международном аэропорту уже заправляется один «Посейдон». За сорок пять минут борт доставит вас в аэропорт Кулуск, что в пятнадцати милях от Тасилака. Оттуда вас заберет вертолет и, если погода не подкачает, подбросит к леднику.

Особое ударение директор сделал на словах о погоде.

– А что не так с погодой? – спросила Мария.

– Рисунок часто меняется. На материке зреет внесезонный питерак, а на побережье в ближайшие часа два-три ударит мороз.

– Что еще за питерак? – спросила Мария.

– Свирепая буря. Ветер скоростью сто миль в час, с порывами до двухсот. Если воздушное судно угодит в такой шторм, его размажет по всему побережью. – Джо фыркнул. – То есть вы хотите, чтобы мы поднырнули под этот ураган, пока полеты не запретили?

– Кроме вас, туда никто вовремя не успеет, – признал Пейнтер. – А я мобилизую наших тут, в округе Колумбия, на случай, если все пойдет наперекосяк. Хотя надеюсь, до этого не дойдет.

– И все же рисковать не хотите, – напомнила Мария.

– Сами знаете почему.

Мария знала, конечно же: доктор Елена Каргилл не просто хороший друг, она еще и дочь сенатора.

«И подставила Елену я».

Глава 3

*21 июня, 10:48 по западногренландскому летнему времени.
Гренландия, ледник Хельхейм*

Елена дрожала в темноте корабельного трюма. От ужаса сердце подскочило к самому горлу, а в голове вертелись варианты спасения: бежать дальше по течению реки, укрыться в ледяной расселине, попытаться прошмыгнуть мимо тех, кто на них напал...

Однако вывод напрашивался один: «Мы в западне».

Мак и геолог Нельсон тоже укрылись внутри корабля. Они встали по бокам от пробойины в борту, а Джон лег на живот между ними, вооруженный единственным стволом, какой у них имелся. Едва раздались звуки пальбы, как он достал из-под сиденья на корме дробовик.

Тем временем в тоннеле вновь воцарилась мертвая тишина.

Стрельба прекратилась с минуту назад, но Елена не питала ложных иллюзий и не ждала, что атаку отбили. Судя по яростной перестрелке, грабителей пришло десятка два, а если вспомнить взрыв, то с собой они наверняка прихватили не только винтовки, но, скорее всего, и гранаты. Точку в противостоянии поставил громкий крик. Джон вздрогнул – устье тоннеля охраняли его кузены.

Убийственно сосредоточенный, Джон навел парные стволы на канал и прижался щекой к прикладу. Рядом он положил кожаный патронташ на одиннадцать патронов в красных гильзах. Осталось девять – и два в стволах. Мак сказал, что заряд – цельная свинцовая пуля, а не пригоршня дробы. Такая способна сильно ранить белого медведя.

Впрочем, даже столь грозное оружие не поможет сдержать большой отряд. Нужен был план.

Нельсон в конце концов предложил свой вариант, но Елена и слышать о нем не хотела.

– Отдадим паскудам карту? – спросил он. – Поставим на берегу канала, пусть забирают. Бесценная она или нет, умирать ради нее тут не стоит.

Елена возмутилась. Ей претила сама мысль лишиться столь значительного исторического памятника.

– Уйдут ли они, забрав карту? Вдруг решат, что на корабле остались еще ценности?

– Она права, – согласился Мак. – Мы же не знаем, кто слил новость о находке и как сильно раздулись слухи, пока достигли ушей грабителей.

– Попытка не пытка! – не уступал Нельсон. – Из укрытия выходить не будем, попробуем издали убедить их, что на корабле ничего больше не осталось. А не выйдет, так у Джона есть весомый и смертоносный аргумент. Грабителям лучше унести отсюда ноги, чем ввязываться в очередной затяжной бой.

– Верно, – сдался Мак и посмотрел на Елену. Даже в скудном свете прикрытого ладонью фонарика она разглядела виноватое выражение у него на лице. – Нельсон дело говорит: попытка не пытка. Мы не в том положении, чтобы выбирать.

Елена скрестила руки на груди. Ее не переубедили, однако она оказалась в меньшинстве.

– Ладно, давайте принесем карту, – вздохнул Нельсон. – Пока еще не поздно.

С этими словами геолог направился к носу корабля, увлекая за собой Елену.

Мак задержался, чтобы заверить Джона:

– Мы скоро.

Догнав Нельсона с Еленой, он убрал руку от фонарика, и Елена, на миг ослепленная, раздавила черепок. Она инстинктивно поморщилась, ведь главная цель археолога – сберечь то, что история хранила столетиями.

Елена присмотрелась к разбросанным по полу глиняным осколкам. Ее взгляд остановился на одном из высоких кувшинов вдоль стенок трюма. Один из них разбился давным-давно, зато остальные, закупоренные, сохранились идеально.

Проследив за ее взглядом, Мак произнес:

– Мы их осмотрели. Они запечатаны воском. – Он посветил на расколотый сосуд. – Судя по запаху бензина, в них перевозили некое топливо. Может, нефть. Разбивать их, чтобы проверить, мы не хотели.

Благодарная за такую осмотрительность, Елена подумала, что хорошо бы уцелеть и выяснить, прав Мак или нет. Ее внимание привлек тихий стук, и она перевела взгляд на один из сосудов. Стучало что-то внутри?

«Какого черта?»

– Идем, – поторопил ее Нельсон. Он явно ничего не слышал.

Мак последовал за ним, унося фонарик. Елена покачала головой и пошла дальше. В темноте что только не померещится.

«Наверное, вода капает на палубу сверху».

Елена и ее спутники торопились к капитанской каюте.

Нельсон оказался там первый. Взошел по ступенькам и протиснулся внутрь. Быстрым шагом подошел к столу, на котором стоял металлический ларец.

Елена предпочла оставаться в дверях, памятуя о предупреждении: ларец – радиоактивен. Его механические внутренности по-прежнему тикали. Должно быть, убегая, исследователи забыли перевести рычажок в положение «выкл.».

Когда Нельсон уже приблизился к столу, Елена предупредила его:

– Может, сперва отключить устройство? Вряд ли стоит переносить его в работающем состоянии. Малейшее сотрясение может повредить механизм.

Нельсон сердито посмотрел на нее.

– Какая разница? Пусть грабителям достанется сломанная карта. Я об их потере горевать не стану. Они, скорей всего, снимут облицовку, серебро и золото и переплавят, чтобы сбегать.

Мак отдал Елене фонарик и протиснулся к Нельсону.

– И все же давай выключим.

В спешке мужчины столкнулись, и Нельсон задел локтем мумию. Стул опрокинулся, увлекая за собой замороженное тело капитана.

При звуке удара Елена сжалась. Что-то слетело с колен капитана и упало им под ноги. Елена наклонилась и подобрала прямоугольный конверт. Тюленья кожа, края затвержены старым воском. Кто-то явно пытался сохранить его содержимое от пагубного воздействия стихий. Капитан держал письмо поближе к себе, едва не баюкая в предсмертных объятиях.

Чувствуя, что это нечто важное, Елена спрятала конверт за пазуху и повыше застегнула непромокаемую молнию. Нельсон с Максом тем временем подняли со стола ларец с картой, а так как Елена припала к полу, то заметила, как при этом из крышки стола выскочил бронзовый штырек. Должно быть, его вытолкнула пружина, тогда как на месте его удерживала тяжесть золотой карты.

«Ой-ой...»

Елена читала, как незадачливые расхитители гробниц в Египте натывались на подобные ловушки. Она хотела было предупредить спутников:

– Не дви...

Но тут внутри стола отчетливо прогудел гонг.

Нельсон не удержал ларец со своей стороны, и ящик сильно накренился. Незапертая крышка распахнулась.

Время словно замедлило ход. Елена смотрела, как искусная серебряная астробия выпадает из гнезда и летит на пол. Мак припал на одно колено и, уперев один край ларца в бедро, успел подхватить сферу размером с мячик для софтбола.

Держа ее на широкой ладони, он облегченно выдохнул.

В тишине, пока все приходило в себя, раздался новый звук. Висевший на поясе у Нельсона счетчик Гейгера разразился очередью: щелчки звучали куда быстрее.

– Закрывай! – прокричал Нельсон.

Мак сунул астробию в карман и вместе с Нельсоном перехватил ларец понадежнее. Нельсон захлопнул крышку, однако счетчик продолжал стрекотать. Все трое испуганно переглянулись. Неужели механизм ловушки воспламенил некий летучий элемент в недрах устройства?

Мак мотнул головой в сторону двери и поторопил товарищей:

– Давайте скорее выбросим это отсюда, пока не взорвалось или еще что...

Елена вела их, подсвечивая фонариком, через темное нутро корабельного трюма. Заметив какое-то движение наверху, она подняла голову: скрытые среди стропил крупные бронзовые молоты слетели с креплений на деревянных рычагах и один за другим пробили высокие кувшины. Каждый удар высекал фонтан глиняных осколков.

Оторопевшая Елена смотрела, как из дырок, растекаясь по вогнутому днищу, льется черная маслянистая жидкость.

– Ходу, ходу! – закричал Мак.

Елена устремилась вперед. На бегу, в свете фонарика она заметила в жидкости фосфоресцирующие зеленые прожилки. Было в них что-то противоестественное. В амфорах явно перевозили не ворвань.

Подозрения Елены подкрепил счетчик Гейгера: щелчки ускорились.

– Господи, да оно светится, – заметил Мак.

Через миг Елена все поняла: масло реагировало на близость ларца. Зеленые прожилки озарялись болезненным свечением, как будто излучение карты возбуждало некий нестабильный компонент масла.

Елена притормозила, но сзади напирал Нельсон.

– Не стойте! – прокричал он. – Валим отсюда!

– Погодите, – попросила Елена. – Слушайте.

Помимо щелчков в трюме раздавался еще один, странный звук. Где-то Елена уже слышала это тихое постукивание. Теперь оно доносилось уже из нескольких кувшинов, словно внутри кто-то скребется, пытаясь выбраться наружу.

Елена во все глаза уставилась на спутников.

– Что это...

Грохот заставил ее подскочить на месте.

Залегший у пробоины Джон выстрелил еще раз.

«О нет».

Мак опустил ларец на пол.

– Вы двое ждите тут, – велел он и, пригнувшись, подкрался к дыре в корпусе корабля. Елена же, подсвечивая фонариком, смотрела, как ядовитая жидкость приближается к ее ногам.

Счетчик так и щелкал, но слышала она только жутковатый скрежет в кувшинах. Будто кто-то проводил щербатыми ногтями по школьной доске. Руки Елены покрылись гусиной кожей. Она не знала, что за механизм они активировали, угодив в ловушку, но одно ей было понятно: оставаться тут нельзя.

10:59

Мак упал на живот рядом с Джоном.

Инуитский старейшина, не глядя, загнал еще два патрона в казенник дробовика. Взгляд его оставался прикован к ступенчатому потоку талой воды в соседнем канале. Льдистые глубины подсвечивало множество огней, обозначая положение ныряльщиков. Совсем рядом на льду истекало кровью тело, облаченное в герметичный гидрокостюм.

«Приплыли, сволочи».

По крайней мере, передовой отряд точно уже здесь.

Из недр тоннеля донесся рев мотора, который с каждым мгновением становился сильнее. К нападающим шло подкрепление, а значит, всякую надежду на то, что кузены Джона уцелели, можно было отбросить.

Подводные огни поднялись к самой поверхности по обеим сторонам тоннеля. Показались стволы штурмовых винтовок, и на борт корабля обрушился ураганный огонь. Правда, вмурованное в лед дерево сдержало натиск.

Джон пальнул в одного из стрелков, однако тот успел скрыться под водой, тогда как его товарищ сосредоточил огонь на старейшине инуитов. На этот раз пули легли ближе, рикошета от камня. Джон перекатился и попытался снять противника, но тот уже погружался. А чуть в стороне вода осветилась еще одной тройкой фонарей.

Мак понял, что грабители будут играть в своеобразного «замочи крота», пока у Джона не закончатся патроны. Тогда он положил руку на плечо другу и произнес:

– Оставь. Прибереги патроны, стреляй наверняка.

Перезаряжая дробовик, Джон согласно запыхтел.

Мак устроился рядом.

«Посмотрим, как пойдет дело».

На них напали явно не простые грабители. Уж слишком хорошо эти типы организованы и оснащены.

Мотор приближающейся лодки рокотал на весь тоннель. Показался черный «Зодиак». Заглушив двигатель, рулевой позволил течению отнести лодку к самой границе скудно освещенной зоны.

– Отдайте нам Атлас Бурь – и останетесь живы! – раздался голос из мегафона.

Мак нахмурился: это они про золотую карту? Раз уж нападающим известно название устройства, то они знают о нем куда как больше, чем Мак и его товарищи.

«И впрямь не обычные воры».

Следующее требование лишний раз подтвердило догадку:

– Пусть доктор Каргилл передаст Атлас моим людям.

Мак вздрогнул. Откуда эти сволочи узнали о Елене?

– Следуйте простым инструкциям, и все закончится хорошо.

«Ну да, кузены Джона подтвердят».

– Даю минуту на размышление.

Услышав за спиной шорох и скрип, Мак обернулся: Елена с Нельсоном волокли ларец к выходу.

– Я все сделаю, – сказала Елена. – Выбора нет. Если они захотят, то запросто сами заберут карту.

Нельсон кивнул.

– Нам их не перестрелять.

Мак перекатился, разворачиваясь к ним.

– Атлас, или как оно там называется, это единственная причина, почему нас еще не убили. Нападающие явно не хотят повредить устройство, но стоит им завладеть картой...

– И про обещания можно забыть, – закончила за него Елена.

– Подыграем – выгадаем немного времени, – сказал Нельсон. – Пока дышим, шанс остается. Иначе мы уже трупы.

Мак прикинул расклад: ворам нужна Елена то ли из-за знаний, то ли потому, что она сенаторская дочь и это можно использовать как рычаг давления. События развивались слишком стремительно. Кто знает, вдруг Нельсон прав? Если купить себе время, то можно еще что-нибудь придумать.

– Десять секунд! – прозвучало последнее предупреждение.

– Хорошо, – сдался Мак. – Подыграем.

«Пока что».

11:12

Елена вытащила из корабля ларец и подошла к кромке воды. Огромная карта весила по меньшей мере фунтов семьдесят – восемьдесят. Тяжеловато для одной женщины, так что Нельсон согласился сопроводить ее. Несмотря на ужас, краешком ума Елена размышляла над загадкой странного предмета.

«Атлас Бурь. Почему такое название? И откуда оно известно этим людям?»

Любопытство помогало унять страх... правда, не сильно.

Когда они с Нельсоном приблизились к потоку талой воды, на поверхности показались трое ныряльщиков. В руках они сжимали штурмовые винтовки; в тускло освещенной пещере ярко горели огни по краям масок.

Стоявший посередине выступил вперед. Ткнув стволом винтовки в сторону Нельсона, а потом мотнув им в направлении судна, он приказал:

– Клади. Уходи.

– Ладно, ладно, – пробормотал геолог.

Елена с Нельсоном опустили ларец на каменистый берег. Бросив на Елену встревоженный взгляд, геолог отступил к темному прикрытию корабля. Стрелок нацелил винтовку Елене в грудь. Она и без слов поняла, что от нее требуется оставаться на месте.

Один из нападающих, стоя по икры в воде, поднес к губам прикрепленное к запястью радио. Послышалась арабская речь. Елена бегло говорила на нескольких ее диалектах, но из-за грохочущих порохов слова стрелка разобрать не сумела.

Мотор «Зодиака» пронзительно взревел, и понтонная лодка устремилась в их сторону. Елена насчитала пятерых пассажиров в гидрокостюмах. Один сидел на корме у руля, двое, лежа на черных поплавках, держали наготове винтовки, а на носу стояла неравная пара: невысокий худой человек с мегафоном в руке и возвышающаяся над ним гора мускулов.

Худой явно был за главного.

«Зодиак» ткнулся носом в берег, и лидер команды, отбросив мегафон, грациозно прыгнул на сушу. Так это женщина! Облегающий гидрокостюм не оставлял в этом сомнений. Неопреновый капюшон практически полностью скрывал голову, однако по выступающим скулам, темным глазам и карамельному оттенку кожи Елена распознала в женщине уроженку Ближнего Востока.

Елена обернулась на древний дау, взглянула на карту.

«Грабители с Ближнего Востока. Вот откуда у них такие знания о сокровище».

Не говоря ни слова, смуглая женщина подошла к ларцу и, опустившись перед ним на колени, подняла крышку. Видя сияние золота, Елена посмотрела на карту: серебряный кораб-

лик вновь стоял в порту у побережья Турции. Глядя на гавань сверху вниз, Елена вдруг поняла, что это за город.

– Троя, – громко прошептала она.

Женщина обернулась и посмотрела на Елену, чуть наклонив голову. В ее темных глазах загорелся блеск.

– Кто бы вас ни пригласил, он не ошибся.

От комплимента Елене легче не стало.

От нижней губы незнакомки вниз по подбородку и шее, скрываясь под горлом комбинезона, тянулась бледная полоска шрама. Впрочем, это не делало ее менее привлекательной, хотя Елена и ощущала исходящую от нее, как радиация от той же золотой карты, угрозу.

И женщина, и карта были одновременно прекрасны и смертельно опасны.

Женщина устремила на Елену пронзительный взгляд.

– Где он? – спросила она.

– Кто?

Командир отряда указала на пустое место, которое прежде занимала астролябия. В отверстиях были видны ярко поблескивающие бронзовые шестеренки. Елена вообразила, как эти колесики и зубчики вращают элементы астролябии, словно стрелки хитроумных часов.

– Где Ключ Дедала? – с нажимом спросила женщина.

«Ключ Дедала?»

Изображать смущение даже не пришлось.

– Не понимаю, о чем вы, – вполне убедительно солгала Елена. – Больше мы ничего не находили.

Командир выпрямилась и обратилась на арабском к стоявшему за спиной у Елены помощнику. Елена разобрала одно слово: *taelimuha*. «Проучи ее».

Обернувшись, она увидела великана. Когда он только успел выбраться из лодки и встать позади нее?! Ростом больше семи футов, громила наверняка страдал некой формой гигантизма. Из-под нависающих надбровных дуг смотрели мертвые и холодные, как у большой белой акулы, глаза.

Великан ударил Елену в бок.

Вскрикнув, она повалилась на землю. От острой боли стало трудно дышать. Слезы хлынули из глаз горячими ручьями.

Женщина посмотрела на нее сверху вниз:

– Больше не лги мне.

Потом она указала на корабль и отдала своим людям приказ на арабском. Елена без труда поняла его: «Забрать Ключ. Всех убить».

Глава 4

*21 июня, 11:18 по западногренландскому летнему времени.
В воздухе над Датским проливом*

Не в силах усидеть на месте, Ковальски прошелся взад-вперед по салону. Четвертый раз за последние двадцать минут.

Он наконец добрался до «винных полок» в хвосте самолета, на которых рядами лежали цилиндрические звуковые буи. Ковальски наклонился над установкой размером с бочку, которая и выпускала буи в море, где эти устройства помогали патрульной эскадрилье отслеживать перемещения русских подлодок. Ковальски постучал пальцем по кассете установки. Другую руку он запустил в карман кожаного пыльника и похрустел упаковкой сигары.

«Может, получится пару раз затянуться, пока никто не видит?...»

Рядом и правда никого не было. Команда большого самолета состояла всего из девяти человек, и все они сейчас сгрудились в носовой части за мониторами. Тишина давила, нервы играли.

Командир «Посейдона» покинул кабину и направился к станциям мониторинга в средней части «птички». Остановился поговорить с Марией. Та сидела, пристегнувшись, у одного из двух иллюминаторов наблюдателя. Она что-то сказала, и командер рассмеялся. Что-то уж больно долго он держится за спинку ее кресла...

Ковальски припекло шею. Командер был молод, улыбчив и сильно напоминал молодого Тома Круза, когда тот снимался в «Лучшем стрелке».

Ковальски вынул руку из кармана и направился к ним. Миновал грузовые и оружейные отсеки. Командер тем временем встал у ряда кресел по левому борту, в которых сидела команда из четырех мужчин и одной женщины, склонившихся над светящимися мониторами. Они следили за показаниями продвинутого многорежимного радара «АРУ-10» и средства радиоэлектронной разведки «ALQ-240».

Чуть ранее тактический координатор группы, узнав, что Ковальски – бывший военный моряк, попытался объяснить ему принцип работы устройств и их возможности. Ковальски едва ли понял треть сказанного. Все же он старый морской волк, и современное оборудование не для него.

Командер кивнул Ковальски.

– Как раз хотел сообщить: через десять минут садимся, так что лучше сядьте и пристегнитесь. Над побережьем нас заденет буря.

Наверное, боги услышали его, потому что в следующий миг самолет тряхнуло. Ковальски ухватился за спинку кресла, зато командер устоял на месте, и его улыбка стала чуть шире.

«Вот гад...»

– Как я и сказал, – напомнил командер, – время пристегнуться.

Ковальски уже протискивался мимо него, когда тактический координатор развернулся в кресле и, сняв огромные наушники, сообщил:

– Командер Пулман, только что поступило донесение от другого «Посейдона», который возвращается в Рейкьявик. Засекли потенциальный аппарат противника. Он следует на перископной глубине вдоль побережья у нас по курсу. Однако за нами идет буря, и в море слишком много осколков льда, поэтому лодку потеряли и опознать ее не удалось. Нас просят перед посадкой выполнить процедуру поиска.

Ковальски взглянул на часы.

– Так не пойдет. Сыграете в кошки-мышки с рашнз в другой раз. Нам надо сесть как можно скорее.

Улыбка на лице командера сменилась гримасой недовольствия.

– Позвольте напомнить, что это мое судно. Вы тут просто пассажиры.

Самолет снова тряхнуло, и на этот раз Ковальски не устоял. Даже Пулману пришлось ухватиться обеими руками за спинки сидений по бокам от прохода. Больше он не улыбался.

Пилот доложил по радио:

– Буря просто озверела. Быстро крепчает. Всем пристегнуться.

Ковальски с вызовом посмотрел на командера.

– Мать-природа понизила вас в звании?

Пулман ответил сердитым взглядом и обратился к тактическому координатору:

– Передайте ответ: «отбой» по поискам.

– Так точно.

– В качестве меры предосторожности активируйте все три пусковые установки. Сбросьте звуковые буи по цепочке отсюда и до берега. – Пулман снова посмотрел на Ковальски. – В воздухе, может, и не останемся, но слушать не перестанем.

Ковальски пожал плечами и протиснулся мимо него.

«Ну-ну, приятель, сохраняй лицо».

Пройдя в переднюю часть салона, он рухнул в кресло рядом с Марией.

– Что у вас там такое было? – спросила она.

– Я проследил, чтобы мы не сбились с курса.

Мария обернулась назад, привстав в кресле, и крепко сжала руку Ковальски.

– А мы правда могли?...

– Только не при мне.

Мария со вздохом села и хотела уже отнять руку, но Ковальски не пустил. На ощупь рука Марии была горячая, хотя лицо оставалось бледным. В ее остекленевшем взгляде Ковальски без труда прочел страх и вину, однако не стал заверять Марию, будто бы с ее подругой все будет хорошо. Знал, что это пустые слова, и поэтому выложил только голые факты:

– Скоро сядем.

«Только бы не опоздать».

Глава 5

*21 июня, 11:20 по западногренландскому летнему времени.
Гренландия, ледник Хельхейм*

На глазах у Мака Елена упала на землю, когда бугай с тупым взглядом ударил ее по почкам.

«Вот ведь уроды!»

Он шагнул было к пробоине в борту, спеша на помощь, но его схватил за руку Нельсон. – Ты ей ничем не поможешь. – Он с силой потянул Мака назад. – И к нам, похоже, гости.

Снаружи раздался приказ на арабском, и к плененному во льдах дау поспешила штурмовая команда. Они заходили с обеих сторон от пробоины, тогда как их товарищ прикрывал наступление огнем из винтовки.

Джон пальнул в него сразу из обоих стволов. Стрелок, получив пули в грудь, отлетел назад и рухнул в воду. Раздалась ответная стрельба, но Джон успел перекатиться в сторону, к Маку с Нельсоном. Теперь грабители приближались куда осторожнее.

– Надо где-то укрыться. – Нельсон указал в чрево трюма. – Может, забаррикадируемся в каюте капитана?

Лучше мыслей все равно не было, так что Мак посветил в сторону каюты и подтолкнул друга.

– Иди.

Все трое устремились к носу. Грохот подошв по днищу сменился всплесками: черная жижа из амфор разливалась по трюму. Теперь, когда карту вынесли за пределы судна, она уже не светила.

Правда, возник другой вопрос.

– А вдруг эта дрянь горючая? – на бегу вслух подумал Мак. – Подождем, будет преграда. Если повезет, вообще их отгоним.

– Или себя погубим, – подсказал Нельсон. – Корабль-то деревянный. Прибережем поджог на самый крайний случай.

Не успел Нельсон договорить, как кувшин у него за спиной осветился уже знакомым зеленоватым сиянием. Оно пробивалось сквозь трещины в боках и проделанную молотом дыру. Внутри было заметно какое-то мельтешение, которое сопровождалось скрежетом острых ногтей.

Мак остановился и прищурился, заглядывая внутрь.

«Какого дьявола...»

В кувшине определенно что-то таилось. Вот только что? Что могло протянуть в заточении множество веков? Или оно сохранилось в этом мерзостном масле? Мак вспомнил, как молоты пробивали кувшины и как наружу, подобно околупленным водам, хлынула светящаяся черная жижа. Чего ждать? Что явится на свет?

– Хватит пялиться! – прикрикнул Нельсон. – Лучше посвети вон...

– Тихо, – одернул его Мак.

Слишком поздно.

Сияние за спиной у Нельсона сделалось ярче. Кувшин взорвался, и наружу, как из паучьего гнезда, хлынул поток из сотен крабообразных тварей. Каждая была размером с блюдце и перемещалась на членистых ногах. Существа слепо разбегались во все стороны, взбираясь на стенки трюма, по стропилам и даже ныряя в маслянистую жидкость. Суставы лапок сочились той же зеленоватой «кровью», что струилась прожилками в масле. Может, это их топливо?

В жутком сиянии Мак разглядел, что панцири существ, вовсе не хитин и не раковины, а бронза. Выходит, это не живые существа, а творения человеческих рук, выкованные в зловещих огнях и запроважденные некоей летучей «кровью»!

Словно подтверждая его догадку, механизмы принялись один за другим воспламеняться. Зеленая жижа реагировала с влажным воздухом. Однако маленькие роботы не уничтожали себя, они продолжали носиться по трюму, сталкивались и поджигали сородичей.

Один бежал по потолочной балке и, достигнув крупной сосульки, стал кругами с нее спускаться. Исходящий от краба жар растопил лед, но вместо воды в лужу черного масла устремилась огненная капля. Объявшее механическое создание пламя поджигало даже воду.

Мак не верил глазам. Парализованный страхом, он взирал на кошмарное зрелище и думал: «Невозможно...»

Нельсон с криком покачнувшись и стал падать лицом вниз; Мак едва успел подхватить его под руку. Эхо крика разнеслось по трюму, раскололось еще два сосуда. Они взорвались, выплескивая наружу сотни миниатюрных бронзовых чудовищ. Новая стая резво разбежалась по стенкам и потолку.

Нельсон принялся извиваться, хлопая себя по спине.

– Снимите его...

Мак развернул друга спиной к себе и увидел горящего бронзового краба. Тот яростно шерудил острыми лапками, разрывая и прожигая гортекс¹⁴, пух, подбираясь к плоти.

Не успел Мак его смахнуть, как на плечо Нельсону прыгнул еще один краб и потянулся к его горлу. Мак попытался сбросить тварь фонариком, но бронзовые лапки глубоко впились в незащищенную плоть. Кожа вокруг них почернела и задымилась.

Нельсон бился в агонии. Из его горла рвалось звериное клокотание, с губ поднимались струйки дыма. Мак вспомнил, как одна из этих тварей подожгла воду, растопив сосульку.

Если уж вода горит, то что происходит с кровью?

В ушах застучало набатом. Мак швырнул фонарик в сторону каюты капитана, обеими руками схватился за панцирь краба, впившегося Нельсону в горло, и, в конце концов оторвав его, бросил в сторону. Следом за крабом потянулся шлейф кипящей крови и пламени. Нельсон со стоном, теряя сознание от боли и шока, повис на руках у Мака. Тот зажал его рану ладонью и сбил остатки пламени по краям обугленных проколов.

– Помоги, – прохрипел Мак Джону.

Инuit держался рядом, напряженно поводя стволом дробовика из стороны в сторону. Поднимая черные брызги, он подошел вплотную и ударом приклада сбил краба со спины геолога.

Вдвоем они с Маком потащили Нельсона к каюте.

Однако пол там, подсвеченный фонариком, уже кишел ордой полыхающих бронзовых тварей. Еще больше их спешило внутрь по потолку и стенкам трюма. Пробраться в каюту нечего было и думать.

Зато в лужу черного масла эти создания не совались. Видимо, только поэтому на Мака и Джона еще не напали. Жаль только, что Нельсон стоял слишком близко к взорвавшемуся кувшину, словно утес в черном море, на пути вылетевших наружу крабов.

Мак вспомнил, как молоты пробili дыры в кувшинах, как наружу хлынуло черное масло. Может, это оно изолировало крабов от воздуха? И без него они проснулись?

Приближаясь к кромке черной лужи, Мак решил проверить догадку. Всколыхнул ногой черную жижу, окатив ближайшего краба: золотистое пламя моментально погасло. Тварь поползла еще немного, оставляя маслянистый след, и застыла.

Джон взглянул на Мака.

¹⁴ От англ. «Gore-Tex» – мембранная ткань на основе тефлона; производится фирмой «W. L. Gore and Associates».

Открытие полезное, но как оно им поможет? Всю дорогу маслом не обольешь. Может, обмазаться им как средством от насекомых? Не слишком ли это рискованно?

Времени на размышления им не дали: оглушительно загрохотала винтовка, поднимая всплески и рикошеты от стен, ударили пули. Одна чиркнула Джона по щеке, и он ахнул от боли. Другая пуля навывлет пробила левый рукав Маковой парки, вырывая из него гусиный пух. Нельсон дернул головой, ударив Мака в висок. Брызнула кровь, полетели осколки костей.

С ужасом Мак увидел, что друг лишился половины черепа. И все же он не выпустил его: прижимая к себе труп, рухнул в черную жижу.

Джон последовал его примеру.

Мак обернулся, как раз когда в трюм вошли стрелки. Джон вскинул уже было ружье, но Мак одернул его:

– Не надо.

Судно отозвалось куда живее. Кувшины задрожали, не в силах сдержать заключенную в них смертоносную силу, и один за другим взорвались, выпустили томившихся внутри чудовищ.

Яростно щелкая членистыми ногами, они хлынули навстречу новоприбывшим. Зеленый ихор вспыхивал золотистым пламенем. Стрелки запаниковали и принялись палить по бронзовой орде, чем привлекли к себе еще больше внимания: механизмы устремились к ним ото всюду, переползая друг по другу.

«Они идут на шум!»

Только сейчас Мак заметил, что у бронзовых крабов нет глаз. Слепые, они реагировали на звук. Мак обернулся в сторону каюты: заполонившие ее создания тоже среагировали на грохот и теперь бежали в трюм по стенкам, потолку, стропилам. Один запнулся и упал в черную жижу. Его пламя тут же погасло.

Ощущая вину и скорбь, Мак наконец отпустил тело Нельсона и подтолкнул Джона в сторону каюты. Им выпал последний шанс добежать до укрытия. Они встали и, низко пригнувшись, устремились к двери.

Мак добежал первым. Махнул рукой Джону и подобрал с пола фонарик. Посмотрел в трюм, озаряемый дьявольским сиянием и вспышками дульного пламени. Стрелки с криками металась из стороны в сторону. Их плотно облепили и жалили когтями бронзовые крабы. Плоть горела и дымилась, кровь в жилах закипала.

Мак в ужасе попятился в холод и темноту каюты. Хотел захлопнуть дверь, но тут слева от него лопнул крупный, вдвое больше прочих, кувшин, и нечто огромное вышло наружу. Мак не верил глазам, разглядывая подвижные бронзовые пластины, полную острых лезвий пламенеющую пасть и поршни ног.

Наконец Джон оттащил его в сторону и запер дверь на бронзовый засов, отгородившись от жуткого зрелища и чудовищ.

«Нет, это не чудовища».

Джон встретился с Маком взглядом и напомнил их имя:

– Tuurngaq.

Мак кивнул. То была чистая правда.

«Демоны».

11:40

Елена съезжилась на прорезиненном днище «Зодиака». Отчалив от берега, лодка покачивалась на слабых волнах. Когда Елена взглянула на корабль, то вздрогнула, и причиной тому был вовсе не холод.

Древний дау горел. Дым мешал рассмотреть корабль, в недрах которого танцевали языки пламени. Тем временем наружу хлынули потоки золотого огня; вливаясь в канал, они образовывали горящие заторы вдоль берегов, и от них к лодке потянулись тонкие пламенные струйки.

Женщина на носу отдала громкий приказ рулевому, и тот, кивнув, развернул лодку. Сталкиваться с огнем они не решились. Сверху лилась вода – древний лед таял от нестерпимого жара, – однако она не то что не гасила пламя, напротив, еще сильнее распалила его.

Ледник Хельхейм ответил на вспыхнувший в его сердце пожар. Лед кругом трещал. Рулевой, видимо, сообразил, что тоннель может обрушиться в любой момент, и поддал газу.

Елена неотрывно взирала на дау. Из дыма вырвалась какая-то фигура. Елена взмолилась про себя: хоть бы это был Мак, пусть ему неким чудом удастся выжить... но из густого дыма вышел широкоплечий зверь, чье коренастое тело полыхало внутренним огнем. Елена еще успела разглядеть рога, но тут «Зодиак» скрылся за поворотом.

Развернувшись, она села и подобрала к груди колени.

После ужасов последних нескольких минут тело будто налилось свинцом. Какие-то мгновения назад, когда карту грузили на лодку, из трюма раздались вопли Нельсона. Все взгляды устремились в сторону пробоины, из которой исходило зловещее сияние. Командир группы жестом отправила бойцов зайти внутрь. Как только они оказались в трюме, загремели винтовки.

Елена зажимала уши, мысленно представляя Мака, Нельсона и Джона.

А потом раздались крики.

Полные боли и ужаса.

Из трюма выбежал стрелок и рухнул на колени. Его будто облачили в доспех из полыхающей бронзы, вот только пластины брони двигались и когтями рвали неопрен вместе с кожей. Из порезов лилась кипящая кровь. Стрелка выгнуло, ломая позвоночник и кости... а потом он взорвался фонтаном обугленной плоти и пламени.

Великан-телохранитель схватил командира за плечо и потащил к лодке. Остальные последовали за ними. Женщина хотела было воспротивиться и даже шагнула назад к кораблю, но его уже объяло пламя. Тогда она сердито развернулась и знаками велела всем грузиться в лодку, а рулевому – выводить их в канал.

Она не собиралась рисковать сокровищем, которое добыла с таким трудом, пусть даже карта больше не работала. «Зодиак» неся по льдистой реке.

Устремив на Елену взгляд темных глаз, женщина двумя пальцами подцепила края неопренового капюшона и стянула его с головы, встряхнула волосами цвета воронова крыла. Судя по выражению лица, она явно прикидывала, как можно использовать пленницу.

Отвернулась она, только когда «Зодиак» вышел из тоннеля. Тут же налетел свирепый ветер. Волны во фьорде белели от пены. Над морем еще висел туман, однако его плотную пелену уже порвало в клочья.

Близился шторм.

Подскакивая на волнах, «Зодиак» неся сквозь туман, и постепенно стало видно, куда он направляется. Из морской синевы торчала черная боевая рубка подлодки. Когда «Зодиак» подошел ближе, субмарина поднялась настолько, что показалась палуба. Рулевой завел лодку прямо на нее.

Командир выпрыгнула из «Зодиака» и быстро отдала серию приказов. Двое вытащили из лодки ларец, а великан двинулся к Елене. Она увернулась от его лапы и сама выбралась на палубу.

Когда в «Зодиаке» не осталось больше никого, рулевой вышел на палубу, спихнул лодку в воду и выстрелами из винтовки пробил поплавки. Сдуваясь, она постепенно скрылась под водой. Палуба под ногами Елены завибрировала – ожили двигатели субмарины. Видимо, команда торопилась покинуть это место.

Оставалось одно незавершенное дело.

Раздался приглушенный рокот, и палуба вздрогнула. В сторону ледника устремился пенный след. Торпеда. Елена схватилась за горло, глядя на Хельхейм. Спустя секунду из него в штормовое небо ударил высокий фонтан льда, и даже с такого расстояния Елена ощутила ударную волну. От фасада откололся громадный кусок и упал, белой гильотиной отрезая канал протаивания.

Гора льда подняла высокую волну.

– Идем, – приказала женщина.

Елена подумала, не прыгнуть ли в воду.

Командир команды словно ощутила ее нерешительность.

– Тебе многое предстоит узнать. – Она буравила Елену взглядом. – И многое ты хотела бы узнать сама.

Елена сжала кулак, готовая послать ее куда подальше, но вспомнила карту и тайну, что ее окружала. Женщина права.

«Да, я хочу знать».

Так и не разжимая кулака, Елена направилась к рубке. Сейчас научный интерес взял над ней верх, но оставалась и другая цель. Елена вспомнила улыбчивое лицо Мака, веселый блеск в глазах Нельсона и стоическую силу Джона.

«Я за них отомщу».

Глава 6

*21 июня, 12:15 по западногренландскому летнему времени.
Гренландия, Тасилак*

«Елена еще жива...»

Мария цеплялась за соломинку надежды, хотя в остальном полицейский отчет внушал только ужас.

Сжимая в руках кружку дымящегося кофе, она сидела в уютной столовой при отеле «Красный дом». Помещение состояло из нескольких столиков, кресел, читального зала и высокого стеллажа, заставленного разноцветными снегоступами, как новыми, так и выдавшими виды. При иных обстоятельствах обшитый вагонкой и с панорамным видом на бухту Короля Оскара отель показался бы Марии очаровательным.

В столовой собралось десятка два местных. Похоже, все услышали взрыв от торпеды, и всем в деревеньке хотелось знать подробности.

Взгляды собравшихся устремились на единственного свидетеля.

– Тоннеля больше нет, – доложил, сидя за столом, офицер Ханс Йорген. На нем была отороченная мехом куртка поверх формы цвета хаки. И в акценте, и в коротко стриженных светлых волосах читались датские корни. – Торпеда разрушила фасад. Откололась крупная часть.

– Про субмарину подробнее можете рассказать? – спросил командер Пулман. Когда они приземлились в Гренландии, до них сразу же дошел слух, что в заливе видели субмарину. Командер увязался за Марией и Джо, а экипаж самолета остался присматривать за бортом, потому что с гор налетел штормовой ветер. – На рубке были какие-нибудь знаки? Буквы или цифры?

Йорген покачал головой.

– Я же говорю, когда я прибыл во фьорд, ледник уже взорвали. Я только на три километра успел подплыть. Еще повезло, что разглядел подлодку в бинокль, когда она погружалась.

Мария стиснула кружку.

– Вы точно видели доктора Каргилл, как ее забирают на борт?

Йорген кивнул.

– Она была в ярко-синей парке, а команда подлодки – в черных неопреновых костюмах. Трудно было не заметить.

Мария обратилась к Пулману:

– Можно отследить путь субмарины?

Командер укоризненно посмотрел на пыхтевшего сигарой Джо.

– На земле я многого сделать не смогу, но мы получаем данные от звуковых буев, которые успели сбросить. К счастью, наш «Посейдон» оснастили новейшими моделями. Они дальнобойные и несколько дней способны генерировать звуковые импульсы. Их данных вполне достаточно, но вот если бы мы поднялись в небо...

Он пожал плечами.

«В ближайшее время это исключено», – поняла Мария.

Даже сюда они летели недолго, но им показалось, что вертолет поместили в шейкер. Ветер постоянно набирал силу, с каждой минутой становясь все свирепей. Пилот сжимал рукоятку штурвала побелевшими от напряжения пальцами и беззвучно молился. К тому времени как они сели, волосы у него на голове слиплись от пота.

«Сейчас мы никуда не полетим».

– А что с остальными? – спросил кто-то из местных. – Те трое, что отправились с этой женщиной?

– Аар! – добавил кто-то на инуитском.

Йорген обернулся к толпе.

– Utoqqatserpunga, – виновато произнес он. – Не знаю. Я видел только доктора Каргилл. Джо выпустил облачко дыма.

– Они либо мертвы, либо заперты внутри ледника.

Пулман наклонился ближе и, понизив голос, сказал:

– Если они живы, то могут рассказать, что произошло и кто увез доктора Каргилл.

– Вот именно, если, – напомнил Ковальски.

Йорген кивнул.

– Живы они или нет, вам их не достать.

– Я могу, – произнес голос из толпы.

Вперед выступил худой юноша в куртке и ботинках из шкур. На вид ему было не больше четырнадцати. Гладкий лоб прикрывала ровная «шапочка» густых черных волос.

Йорген обернулся к нему:

– Нука, тоннель обвалился. Внутрь никак не проникнуть.

– Путь есть, – с вызовом произнес мальчик.

Йорген хотел было возразить, но его опередил Джо:

– Что за путь?

– Я покажу. – Нука ткнул большим пальцем в сторону двери, которую ветер усердно пытался сорвать с петель.

– Забудьте, – предупредил Йорген. – Никто не пойдет в пасть этому питераку.

– Наа, я иду. – Нука развернулся в сторону выхода. – Там мой дед.

Теперь Мария поняла, откуда в нем такое упрямство: юное лицо инуита светилось страхом и решительностью. Его дед Джон Окалик был старейшиной инуитов, и это он сопровождал отряд Елены.

Джо встал и раздавил наполовину докуренную сигару. Значит, нервы у него на пределе.

– Я с тобой, парень.

– Джо... – обернулась к нему Мария.

Ковальски отмахнулся.

– Да будь я проклят, если стану сидеть сложа руки и слушать, как ветер пытается сорвать крышу. – Он посмотрел на нее. – Если есть хоть малейший шанс, что ребята там живы, я их хоть на экскаваторе откапаю. Кроме них, никто не знает, что случилось с твоей подругой.

Мария взяла его за руку.

– Знаю. Я просто хотела сказать, что иду с тобой.

Ковальски напрягся.

– погоди. Я не о том. Лучше будет, если...

Мария перебила его, поднимаясь на ноги:

– Нет. Ты говорил слишком зажигательно.

Джо твердо посмотрел на нее, решая, как сильно можно будет надавить, а затем пожал плечами, приняв единственно верное решение.

Йорген посмотрел сперва на одного, потом на другого.

– Вы оба рехнулись.

– Меня и похуже оскорбляли. – Джо махнул рукой Нуке: – Веди, малец.

Нука направился к двери.

– Идем. Мой дед еще жив, но времени мало. Надо спешить.

– Хоть бы ты был прав. – Джо похлопал мальчишку по худому плечу. – Неохота впустую жопу морозить.

12:22

– Надо рискнуть, – сказал Мак.

Стоя по пояс в ледяной воде, он отодвинул засов на двери. Обернулся к Джону и кивнул. Умирать – так на своих условиях.

Полчаса назад ледник содрогнулся от мощного взрыва.

Мак уже приготовился к тому, что их погребет под тоннами льда. Однако время шло, эхо взрыва смолкло, а они по-прежнему оставались в живых. Потом стала прибывать вода, а значит, лед, обрушенный взрывом, запрудил канал.

Мак почти не сомневался, что нападавшие взорвали выход из тоннеля. Хлопнули на прощание двери.

Мак не хотел тонуть, точно попавшая в ловушку крыса. Сделав глубокий вдох, он толкнул дверь. Далось ему это не без труда, потому что мешала толща воды снаружи. Он сжался, приготовившись к нападению полчища механических крабов... но, посветив фонариком, обнаружил, что половину кормы снесло. Остатки трюма превратились в тлеющие развалины. На воде тоже кое-где плавали пятки пламени.

Сквозь густой дым виднелось красноватое свечение немногих уцелевших крабов. Они сидели на горящих кусках дерева или ледяных валунах. Двое даже оседлали плавающий в воде труп. Большинство не двигалось, их внутреннее пламя угасало. Некоторые, впрочем, еще слабо шевелились.

Какое бы летучее вещество ни питало эти создания, оно, похоже, теряло силу. Мак взглядом поискал остальную часть механической армии. Может, не устояли перед нахлынувшими водами и утонули?

Джон хлопнул его по плечу и указал на пробоину в корпусе. Затем ткнул пальцем вверх. Мак кивнул.

Надо вылезать из воды.

И Мак, и Джон надели под одежду непромокаемые гидрокостюмы, которые, впрочем, не защищали от холода. Он проникал глубоко, ноги уже немели, и становилось трудно ступать по скрытому под черной водой неровному дну.

Наконец друзья выбрались в пробоину и полезли вверх по сломанным ребрам корабля, старательно избегая тлеющих участков. На палубе они увидели, что передняя часть судна цела, а нос дау по-прежнему накрепко вмурован в лед.

С потолка сорвался кусок льда и рухнул в воду. В борт ударила волна, прибав к нему озерца пламени и еще больше трупов.

Мак постарался не думать о друге Нельсоне.

«Сейчас не время для скорби», – сказал он себе. Вот ледопад – проблема насущная.

Пока они отсиживались в каюте, ледник то и дело содрогался и оглушительно трещал. Лед давил на этот хрупкий карман, и Мак знал, что их ждет. После десятка лет здесь ледник стал для него как открытая книга.

«Задерживаться нельзя. Свод того и гляди рухнет».

Хотя и это в конечном счете не самое страшное. Поток талой воды превратился в озеро, вода прибывала, и уровень ее устойчиво поднимался, вытесняя дым в сжимающийся воздушный карман. Дышать становилось труднее.

Джон хрипло закашлялся.

К несчастью, его слышали.

Из дымной пелены по правому борту донесся рев. Сердце ушло в пятки, и Мак попятился к ограждению по левому борту. Он же помнил, что из кувшинов с маслом на волю вырвались не только крабы.

Он глянул вниз. Упавшие со свода глыбы льда вперемешку с камнем образовали на берегу канала этакий волнолом между кораблем и порогами.

И в этом лабиринте что-то двигалось.

Сквозь дым шла массивная, подсвеченная пламенем фигура. Привлеченная кашлем, она направилась к Маку. По пути скрылась в очередном облаке дыма.

Мак затаил дыхание, опасаясь издать хотя бы малейший звук, и напряженно вглядывался во тьму.

«Куда оно...»

Дау содрогнулся от удара в борт. Мак упал на колено, зато Джон устоял. Вскинув ружье, инуит целился во тьму.

Чудовище разочарованно взревело, плюясь огнем и обнажив полыхающие лезвия зубов. Звериную голову венчали загнутые бронзовые рога. Создание встало на дыбы и с ревом замолотило по воздуху передними ногами, тыльная сторона которых щетинилась изогнутыми лезвиями.

Опустившись на четвереньки, оно вновь скрылось в задымленной тьме.

С потолка в поднимающуюся воду упал еще кусок льда. Мак с Джоном испуганно переглянулись.

«Нельзя тут оставаться».

Если их не убьет эта тварь, то за нее это сделают холод, вода и лед. Нужно было найти другой путь отсюда, в обход огненного быка.

«Но как?»

12:55

– Ни за что! – воскликнул, перекрикивая бушующий ветер, Ковальски.

Спасательный отряд сгрудился с подветренной стороны от трех красных снегоходов и саней в собачьей упряжке. Хаски, поросшие густым мехом, вырыли себе небольшие ямки во льду и свернулись в них, дыша паром и не обращая на холод внимания.

На упряжке приехал Нука: паренек полагался на глаза и нюх питомцев, чтобы избежать расселин во льду, а было их под снегом немало.

Покинув отель, группа погрузилась в грузовик «Рам-2500» на больших рельефных колесах и отправилась по ненадежной гравийной дороге на верхушку ледника Хельхейм. Ветер непрестанно хлестал машину, грозя ее опрокинуть. У края ледника спасатели остановились близ скопления синих хижин и припаркованного тут же десятка снегоходов. Семья Нуки владела туристической фирмой, водившей экскурсии.

Еще оказалось, что его мать и отец – члены поисково-спасательного отряда, который отправился на материк. Вместе с ними туда же уехало большинство опытных членов команды из деревни.

Ковальски разочарованно взглянул на то, что досталось им.

Йорген отбросил недоверие и пошел с их отрядом. Как и двое местных: коренастые старики, приходившиеся Нуке родней (вообще родней ему приходилась почти вся деревня). Сейчас они привязывали веревку к заднему бамперу снегохода.

Нука свернул противоположный конец троса и повесил его себе на плечо.

– Это единственный путь к сердцу ледника, – сказал он, махнув рукой за снегоход. – Спускаемся через колодец.

– Ни за что, – повторил Ковальски.

Он выглянул из укрытия, и ветер чуть не сорвал с него лыжные очки. Их обеспечил Нука – вместе со шлемом и теплой паркой, которая, впрочем, оказалась слишком мала: рукава почти не закрывали запястий.

В десяти ярдах от стоянки белую поверхность ледника пересекала синяя лента талой воды, спускавшейся с верховьев и стекавшей по спирали в отверстие диаметром десять футов. Колодец, как назвал его Нука.

«Больше походит на ледяной водоворот».

– Предлагаешь спуститься в дыру по веревке? – фыркнул Ковальски.

Нука к тому времени облачился в непромокаемый гидрокостюм, защищающий все тело, даже лицо.

– Не впервой.

Мария подвинулась ближе.

– С чего ты взял, что дыра ведет к реке, вытекавшей из Хельхейма?

– Доктор Макнаб говорил, – ответил Нука. – Когда нет туристов, я иногда помогаю Маку составлять карты каналов и потоков. Это бесконечная работа, потому что здесь все постоянно тает и движется.

Ковальски выпрямился.

– Если ты прав и дыра правда ведет куда надо, я с тобой.

– Ты слишком толстый, – поморщился Нука.

Ковальски взглянул на свой живот. Вот это наглость!

– Это мускулы.

– Ага... Даже если протиснешься в отверстия там внизу, – паренек указал на короткие рукава парки, – то в мой запасной гидрокостюм точно не влезешь.

– Как насчет меня? – вызвалась Мария. – Мы с тобой примерно одинаковой комплекции.

Нука окинул ее взглядом с головы до ног и пожал плечами:

– Ну да.

– Вот уж дудки. – Ковальски заступил ей дорогу.

Мария, однако, не обратила внимания.

– Давай костюм, – велела она внуку старейшины и только потом обратилась к Ковальски: – Мы с сестрой много лет лазили по пещерам во время исследований. Навыков работы с веревкой мне хватит за глаза.

– По-твоему, это похоже на скальную породу? – Ковальски указал на жерло колодца.

– Одного я туда Нуку не отпускаю, Джо.

Озабоченность Марии он понимал, однако и соглашаться не спешил.

Нука передал Марии непромокаемый гидрокостюм. Та осмотрела мужчину, как бы мысленно примеряя его на них, и сказала:

– Ни на кого из вас не налезет.

Ковальски по опыту знал, что в этой битве ему не победить. Поэтому вскинул руку и произнес:

– Ладно. Давай помогу втиснуться в эту хреновину.

Скинув теплый внешний слой одежды и приплясывая на холоде, Мария влезла в плотный гидрокостюм. Убрала назад волосы и натянула капюшон.

– Ну, как я тебе? Только честно. – Она махнула рукой в сторону Нуки, который в это время, сгибаясь под ветром, опускал веревку в колодец. Поток воды подхватил и унес утяжеленный грузилом конец. – Кому больше идет?

Ковальски сгреб ее в объятия:

– Вы оба как тюлени на берегу.

Он ощутил ее дрожь, догадываясь, что дело не только в пронизывающем ветре. В миллионный раз Ковальски задался вопросом: как такая женщина обратила на него внимание? И ведь отдала ему два года своей жизни!

– Если не отпустишь, я никого не спасу.

Ковальски слегка отстранился и предупредил ее:

– Смотри там, не геройствуй.

Мария ответила с улыбкой:

– Еще бы плащ, и я вылитая Чудо-женщина.

– Для меня ты и так Чудо-женщина.

– Как ми...

– Особенно в постели.

– Ну вот, взял и все испортил. – Мария отступила на шаг. – Пока не вернусь, остаешься за старшего. Будем докладывать о продвижении по рации.

Нацепив на ботинки «кошки», она вышла из укрытия и направилась к Нуке. У колодца остановилась и обернулась.

Ковальски с Марией бегло общались на языке жестов, поэтому, чтобы не перекрикивать ветер, он поднял руку, оттопырив большой палец и мизинец, а затем указал в сторону Марии.

«Я тебя люблю».

Мария отвернулась, так и не увидев его жеста. Нука к тому времени закрепил второй трос и продел его в карабин на страховочной системе Марии. Затем перепроверил узлы и снаряжение. Удовлетворенный, паренек стал спускаться в колодец, упираясь в стенки ногами в «кошах».

Мария скрылась в колодце следом за ним.

Ковальски неотрывно смотрел на ледяной водоворот. Только бы это не оказалось пустой тратой времени, да еще и опасной. Как бы ни хотел он, чтобы застрявшие там внизу спаслись, он раз за разом повторял про себя, как молитву: «Ты, главное, вернись».

Глава 7

*21 июня, 1:18 по западногренландскому летнему времени.
Гренландия, ледник Хельхейм*

Нога соскользнула со стенки колодца, и Мария утратила опору. Сорваться в пропасть не дали веревка и карабин. Раскачавшись, она больно ударилась бедром о лед.

– Цела? – спросил Нука, опережавший ее на пять ярдов. Из-под маски его голос звучал приглушенно.

Мария снова нашла опору и, бодрясь, ответила:

– Ага.

Похоже, хвастаясь навыками, она слегка дала маху. Альпинизм – это вам не езда на велосипеде; она давно не занималась и зря понадеялась на мышечную память. Или же просто спуск был необычен сам по себе: Мария, как могла, избегала текущего по спирали узкого потока воды, и все же брызги летели на маску, затрудняя обзор. Да и сам лед был одновременно скользок и тверд как камень. Спуск больше напоминал бег на коньках по вертикали.

– Дальше тоннель идет под углом, – сообщил снизу Нука. – Должно стать полегче.

Смахнув с маски капли воды, Мария посмотрела вниз. Первая часть спуска шла практически вертикально, но фонарик на маске Нуки показывал, что дальше ствол колодца изгибается под углом в тридцать градусов.

«Слава богу...»

Мария с облегчением преодолела остаток расстояния до Нуки. Проход сужался вдвое, пролезть в него можно было только гуськом.

«Весь ли он такой? И хватит ли веревки?»

Оба несли за спинами топоры, но Марию перспектива спускаться без троса не прельщала.

Чем дальше, тем более пологим становился скат, зато вода поднималась выше, сила потока крепчала, и приходилось упираться ногами в стенки.

Через несколько ярдов Нука замер и, приподняв маску, принялся.

– Вроде дымом пахнет.

«Дымом?»

Мария остановилась и тоже приподняла маску. Нос у нее мерз, однако она все равно уловила слабый запах горящего дерева. Внизу мог быть только один источник топлива для пожара. Древний корабль.

Может, его подожгли те, кто похитил Елену?

Так или иначе, дым говорил о том, что цель близка. Мария махнула Нуке рукой, чтобы он шел дальше.

– Идем.

– Э-э, есть проблема. – Нука выудил из воды конец веревки. – Трос закончился.

Мария подобралась ближе.

– И что теперь?

Впрочем, ответ она уже знала.

Нука принялся отстегивать спусковое устройство.

– Сама сказала, мы уже близко. – Дальше он достал из-за плеча топор. – Тут не очень круто; если осторожно, то остаток пути можно проделать и так.

– Одного я тебя не пущу.

Прежний страх исчез, Мария почувствовала, что готова пройти еще немного.

– Помоги мне отстегнуться, – велела она.

Нука отстегнул Марию и посмотрел на нее влажно блестящими глазами, в которых читались страх и облегчение.

– Спасибо.

– Иди давай, пока я не передумала.

Нука отправился вперед, показывая, как именно нужно перемещаться: широко расставив ноги, проверяя на каждом шагу, надежно ли сцепление «кошек» со льдом. Топор он держал низко в обеих руках, готовый, если поскользнется, врубиться в лед.

Мария двигалась за ним след в след.

Шли утомительно медленно. От напряжения Мария в непромокаемом костюме обливалась потом.

– Там свет впереди, – заметил Нука.

Мария выпрямилась, пытаясь заглянуть ему через плечо... и поскользнулась. Плюхнулась в поток воды, и тот быстро подхватил ее, понес вперед. Мария ударилась в Нуку и сбила его с ног.

Топоры стали бесполезны.

Ровное скольжение продолжалось недолго – поток протащил их по порогам в широкое русло. Там он утратил прежнюю силу, но впереди маячила неровная глыба синего льда, ударяясь о которую поток делился надвое.

Нука перехватил Марию поперек талии и швырнул влево, чтобы она не разбилась о препятствие, и, используя инерцию, вместе с ней выкатился на стылый берег.

Мария похлопала рукой по твердой земле.

Камень...

Должно быть, они достигли дна. Мария села, судорожно дыша. На противоположном конце пещеры, тлея в темноте, виднелся силуэт корабля.

Добрались.

Радость, впрочем, длилась недолго.

Со стороны корабля раздался полный страха крик:

– Бегите! Убирайтесь отсюда к чертовой матери!

13:33

Маку показалось, будто в водопаде промелькнули призрачные огни. Он думал, что помешалось, но потом услышал злое эхо голосов. Инуиты верили, что в ледниках обитают духи, и Мак, увидев вполне реальных огненных демонов, уже не спешил отмахиваться от суеверий.

А потом разглядел двух человек: реальные и плотные, как те же лед и камень, они съехали по руслу в пещеру и выкатились на берег.

Вот только не он один заметил их присутствие.

Внизу по-прежнему бродил в тени и дыму бык. Стоило в пещере появиться новым нарушителям, как из его ноздрей вырвалось яркое пламя. Обернувшись в сторону шума, чудовище тяжелой поступью побрело туда.

Донесся крик:

– Доктор Макнаб? Мак? Это вы?

Мак узнал этот ломающийся юношеский голос. Узнал его и Джон – старейшина инуитов вскинулся.

Мак сложил ладони рупором и закричал:

– Нука! Тут бродит опасная тварь! Идет на звук. Может, и на свет. Так что гасите огни и храните молчание.

С этими словами он принялся топтать по древней палубе, желая отвлечь монстра на себя. Бык услышал его и замедлил шаг... Пока Нука снова не позвал:

– У нас веревки! Есть путь наружу!

Мак про себя застонал: «Молодежь... Просто не способны молчать!»

Бык снова побрел к порогам. Мак принялся с удвоенной силой колотить по доскам палубы, однако чудовище не обратило на него внимания. Видимо, ему хватало ума различать более доступные цели.

Нужен был новый план, и, скорее всего, отчаянный.

– Нука! – заорал Мак. – Просто заткнись! Уходите в тоннель. Мы попытаемся добраться до вас.

Затем он обратился к Джону:

– Пора брать быка за рога.

13:35

Сжимая в руках топор и пригнувшись, Мария продвигалась к тоннелю. Шум воды ревел в ушах, темный берег превратился в настоящий лабиринт из обломков льда и обкатанных ледником камней.

Нука шел следом.

Что тут такое может жить? Белый медведь, угодивший в ловушку вместе с людьми?

Однако судя по ужасу в голосе предупреждавшего их человека, это было нечто пострашнее белого медведя.

Что же тогда?

Они наконец достигли устья колодца, и Мария приготовилась влезть в него, когда со стороны тлеющего судна раздался выстрел.

Мария вздрогнула. Нука тоже дернулся.

Совсем рядом, ярдах в десяти, дымная тьма озарилась пламенем. На один короткий миг Мария сумела разглядеть нечто массивное, закованное в пластинчатую броню. Обзор закрывала расколотая ледяная гора, но Мария видела, как неведомое чудовище разворачивается и, оставляя огненные следы, идет обратно к кораблю.

Нука пораженно взглянул на Марию.

Что бы это ни было, оно почти добралось до них.

Мария отступила в колодец, увлекая за собой Нуку. Раздался новый выстрел. Оставалось надеяться, что люди на корабле понимают, что делают.

«Иначе им худо будет».

13:37

Мак стоял в трюме по пояс в ледяной воде, пока Джон перезаряжал дробовик, и вглядывался во тьму за тлеющей кормой дау. Они спрятались за останками гигантских кувшинов.

«Ну же, гад, где ты там?»

Топотом привлечь быка не удалось, и Мак понял, что пришла пора тяжелой артиллерии. Не услышать выстрела чудовище не могло, и все же Мак ждал, затаив дыхание: а вдруг не сработает? И вот раздалась тяжелая поступь – бык возвращался к кораблю. Тогда Мак подал Джону знак, и инуит пальнул из второго ствола в потолок трюма.

От выстрелов в замкнутом пространстве зазвенело в ушах. И все же вдруг тварь не клюнула? Мак обернулся к Джону, собираясь просить его выстрелить снова, но тут со стороны кормы донесся рев.

Бык обогнул корпус корабля, перешел канал вброд и двинулся к трюму. Даже в воде он оставлял пламенные следы. Скрипели лежащие внахлест бронзовые пластины, покачивалась увенчанная грозными рогами голова. Из широких ноздрей вырывалось пламя. В распахнутой пасти сверкали острые зубы-лезвия.

«Боже правый...»

У Мака кровь застыла в жилах. Даже находясь в укрытии, он чувствовал себя уязвимым, будто стоял на самом виду. Захотелось плотнее вжаться в стену, но его парализовал страх и ужас.

Видя это, Джон свистнул.

Привлеченный звуком, бык развернул голову в сторону инуита.

«Нет, нет, нет...»

Мака отпустило, и он вернулся к плану. Зажег фонарик и швырнул его в открытую дверь каюты. Вращаясь колесом, фонарик влетел в тесную комнатку и, ударившись о дальнюю стенку, с шумом упал на стол.

Бык взревел, изрыгая пламя, и бросился в сторону каюты, привлеченный не то звуком, не то светом. У него и правда имелись глаза из черных алмазов, подсвеченных изнутри огнем... или это просто украшение?

Как бы там ни было, бык опустил голову и, оставляя огненные следы и запах горячей нефти, побежал в каюту. С разбегу врезался в стол и разнес его в щепки. Потом ударил снова, в нос корабля, отчего судно вздрогнуло.

Мак с Джоном покинули укрытия. Джон встал посреди трюма, а Мак двинулся к каюте. Заняв позицию, Джон пальнул прямо в зад быку: твердотельные пули со звоном ударили в металл, но вреда не причинили, оставив только вмятины.

Однако сила, с которой пули врезались в бронзу, вогнала быка глубже в дерево, и Мак успел добраться до двери. Навалившись плечом, он затворил ее. Джон подбежал и схватился за бронзовый затвор, который они сняли с двери. Вдвоем друзья вогнали стержень между порогом и досками пола.

Запертый внутри, бык метался и ревел, однако тесные стены не давали ему развернуться.

«Хоть бы выдержало», – подумал Мак и прокричал:

– Бежим!

Они с Джоном, поднимая брызги, устремились к выходу. Выбрались из воды на каменистый берег и через лабиринт камней и ледяных глыб побежали к водопаду. Вдали от корабля и островков пламени в озере они быстро оказались в темноте.

– Нука! – позвал Мак. – Дай нам свет!

Вдали зажглись огни.

В следующее мгновение позади раздался громкий треск. Обернувшись, Мак увидел, как наружу, проломив борт корабля, вылетает бык. Подсвеченный огнем, он на миг завис в воздухе и приземлился, подняв фонтан искр. Окутанный огнем и дымом, бросился в погоню.

– Валим отсюда, – поторопил Джона Мак.

Вместе они побежали к водопаду. Достигнув порогов, влезли по влажному камню к подсвеченному устью колодца. Внутри, скорчившись, сидели двое.

– Двигайтесь! – проорал Мак.

Бык настигал. В погоне за добычей он крушил лед и бился о валуны.

Втолкнув Джона в тоннель, Мак втиснулся следом.

Нука подвинулся и протянул Маку топор. Жестом изобразил, как врубается лезвием в лед.

– Руби и лезь!

«Понял».

Джон сноровисто взбирался по скользким стенкам, как умеют только инуиты. Мак поднимался следом, помогая себе топором. Получалось медленно, остальные его опережали.

«Не успею!»

Бык с разбегу влетел башкой в тоннель. Застряв, монстр издал рев, посылая вслед Маку брызги пламени. Попытался ртом ухватить его за ноги.

Запаниковав, Мак промахнулся топором и плашмя рухнул в воду. Поток быстро понес его назад к быку.

– Ложись! – прокричал Нука.

Двойной выстрел оглушил Мака, над головой у которого просвистели пули. Ударив быка между рогов, они его оттолкнули. Это дало Маку время вонзить топор в стенку тоннеля и затормозить.

Он судорожно полез вверх, понимая, что бык вернется.

Позади раздался рев.

– Мы почти у веревок! – донесся женский голос.

Кто кричит, Мак не знал, но ускорился. К тому времени, как он нагнал остальных, Нука и незнакомка уже приладили спусковые устройства к страховочным системам.

Нука указал на тыльную часть упряжи.

– Хватайтесь.

Джон взялся за ремни на спине у женщины, а Мак впился пальцами в упряжь Нуки.

– Держитесь крепче, – предупредила женщина. – Будет трясти.

13:42

– Пора... Газу! – крикнула Мария в рацию.

Она посмотрела вверх, в темное чрево колодца. Обеими руками вцепилась в трос. Почувствовалась легкая вибрация, а потом веревки туго натянулись, и всех четверых резко потянуло вверх по гладкой кишке тоннеля.

Пока длилось тревожное ожидание, Мария передала наверх по рации, что потребуется экстренная эвакуация. А поскольку тросы и так приладили к крюкам на бамперах снегоходов, смысла взбираться своими силами не было – ведь в распоряжении имелись лошадиные.

Вслед убегающим донесся гневный рев.

Мария обернулась. Огненное создание не сдавалось, по-прежнему пытаясь их достать.

– Выкуси! – крикнул ему Макнаб.

Мария вздохнула было облегченно... но тут тоннель стал обваливаться. То ли от ударов чудовища, то ли от выстрелов из дробовика что-то в нем наконец сломалось. Внизу треснуло, и колодец схлопнулся.

Рев наконец-то стих.

Тоннель продолжал обваливаться. Мария смотрела вперед, мысленно обращаясь к тем, кто оставался наверху: «Не жалейте техники».

Через несколько секунд они достигли вертикальной шахты. Тут было пошире, однако, вылетев в нее, беглецы ударились о стенки. Инуитский старейшина от неожиданности выпустил ремни и отчаянно взмахнул рукой. Марии за веревку держаться было не нужно, и она, выпустив ее, обеими руками ухватила инуита за куртку из шкуры.

– Держу.

Она цеплялась за старика, пока мощные руки не перехватили ее поперек талии и не выдернули из колодца вместе с дедом Нуки.

Отпустив старейшину, Мария упала на спину.

Сверху на нее смотрело обветренное лицо Джо.

– Велел ведь тебе не геройствовать.

Мария пожала плечами:

– Да я на втором плане держалась.

Джо помог ей сесть. Остальные тоже спаслись, и Мария посмотрела на рыжебородого климатолога.

– Может, расскажете, что там такое произошло? – спросила она.

– Расскажу. Только сперва мне надо хорошенько выпить.

Джо кивнул, признавая мудрость решения.

– На редкость умный план.

Мария вскинула руку, не в силах ждать.

– Сперва скажите, что с Еленой? Знаете, кто ее забрал?

– Доктора Каргилл? Она еще жива?

– Да, насколько мы знаем. Остальное расскажу за пивом, но, может, вы знаете, кто ее увез и что им было нужно?

– Кто они, понятия не имею, но эти люди точно не местные. Говорили по-арабски.

«По-арабски?»

– Я не совсем понял, чего именно они хотели... Требовали отдать золотую карту. Называли ее Атлас Бурь. Видимо, уже знали, что это такое.

Мария нахмурилась. «Атлас Бурь»?»

– Кстати... – Климатолог достал из кармана сферу размером с мячик для софтбола, покрытую тонкой резьбой, мудреными обручами и стрелками. – Еще им нужно было это.

Часть вторая

Ключ Дедала

Quod est ante pedes nemo spectat, caeli scrutantur plagas.
Никто не смотрит под ноги. Наши взгляды устремлены к звездам.
«Ифигения», трагедия Квинта Энния (239–169 гг. до н. э.)

Глава 8

22 июня, 8:59 по восточному времени.
Мэриленд, Такома-Парк

Коммандер Грейсон Пирс много раз смотрел в лицо смерти, но ничто не подготовило его к отцовству – особенно в семье с мамой-тигрицей.

– Не дожدهшься, – предупредил он, сидя на диване в гостиной.

– Еще как дождусь.

Сейхан сидела, скрестив ноги, на персидском ковре. Ни дать ни взять восточная царица.

Отодвинув в сторону кофейный столик, она держала под мышки маленького сына, норовя поставить его на нетвердые ножки. Джек Рэндалл Пирс не разделял ее чаяний. Он гулил и пускал слюни.

Грей похлопал по лежавшей на приставном столике замусоленной книге.

– Тут сказано, что ребенок начинает ходить только в срок от девяти месяцев до года. Если не позднее.

– Это в среднем. – Сейхан мотнула головой в сторону стопки распечаток. – Смотри. Полно статей про то, как детки начинали ходить в полгода. Такое редко, но случается.

– Джеку пять месяцев. Скоро. Через два дня.

– И что? Он сам садится и немного ползает. Опережает график. Уже два месяца, как спит всю ночь. А ты говорил, что этому не бывать.

Грей уже подумывал отключить интернет-роутер. Сейхан слишком много торчала в Сети, читая все, что только можно, о воспитании малышей. Материнство было для нее как кровавый спорт: она твердо решила, что Джек должен достигать каждой вехи раньше, чем сказано в книгах. Лишь бы доказать, что она лучшая мать на планете.

И вот эта женщина сомневалась в своих материнских инстинктах.

Да, она бывший убийца, натренированная быть хладнокровной и жестокой, и Грей понимал ее опасения. Он и в своих-то способностях сомневался. Сперва ее упрямая решимость забавляла, но чем дальше, тем сильнее Грей волновался. Когда Джек родился, они оба, члены группы «Сигма», взяли длительный отпуск по уходу за ребенком. Грею предстояло вернуться в строй через месяц, когда Джеку исполнится полгодика.

Грей сполз на пол и стукнулся коленками с женой. Подхватил Джека и понюхал подгузник. Судя по аромату, урок ходьбы пора было заканчивать. Впрочем, смена подгузника подождет. Взяв ребенка под мышку, Джек придвинулся к Сейхан. Они сели рядом, упершись спинами в кресло. Джек так и елозил, но Грей поцеловал его в поросшую темными волосами макушку, и дитя успокоилось... на какое-то время.

Сейхан вытянула ноги и прислонилась к мужу. Он обнял ее свободной рукой, и она пристроилась у него под боком. На ней были черные облегающие брюки для занятий йогой и топ-бикини в масть. Длинную гриву темных волос Сейхан собрала в «конский хвост». Грей вдохнул мускусный запах ее кожи. Жена вместе с Кэт ходили по утрам на йогу. Не то чтобы Сейхан

требовалась растяжка и дыхательные упражнения. Эта решительная женщина меньше чем за полгода после родов сбросила лишний вес и вернула себе точеную фигуру бойца.

Грей взглянул на собственный чуть выпирающий животик.

Надо было последовать ее примеру.

Хотя... если вспомнить бессонные ночи и непредсказуемое поведение Джека, можно себя и простить. Монк, муж Кэт, то и дело звал Грея поиграть в баскетбол или в качалку, но Джек отказывался, наслаждаясь каждым мгновением семейной жизни. К тому же, оставляя Сейхан наедине с Джеком, он всякий раз ощущал угрызения совести. Свою ношу он намерен был нести с честью.

«Или я, – думал он, – как Сейхан, кому-то что-то доказываю?»

Последние полгода Кэт и Монк частенько заглядывали к ним вместе со своими шумными дочурками Харриет и Пенни. Грей подозревал, что, навещаясь в гости, друзья проверяют, не слишком ли новоиспеченные родители отгородились от мира, как это часто случается, когда пара, родив первенца, сосредотачивается только на нем. Наверное, Монк с Кэт своим примером демонстрировали, что можно успешно совмещать и личную жизнь, и воспитание детей, и напряженную работу. Они держали Грея с Сейхан в курсе последних новостей, словно подстегивая пораньше вернуться в команду.

На приставном столике зазвонил спутниковый телефон.

Грей застонал. Брать трубку не хотелось, но задремавший было Джек тоже услышал звонок и запыхтел, готовый разреветься в голос. Грей передал ребенка Сейхан.

– Ему надо памперс сменить.

– Не так быстро! Вот когда начнешь грудью кормить, я подумаю, освободить ли тебя от обязанности менять подгузники.

Грей с улыбкой перекатился к столику.

– Ладно. Наверное, Монк хочет пригласить в парк.

– Сходил бы. – Она взглянула на его животик. – Seriously.

Грей закатил глаза и взял телефон. Ответив, он с удивлением услышал голос капитана Кэтрин Брайант.

– Кэт? Тебе Сейхан дать?

– Нет, я звоню по поручению директора. Знаю, отпуск у тебя еще не закончился, но возникла чрезвычайная ситуация, и кое-кто просит именно твоего участия.

В жилах загорелся знакомый огонь.

– Кто?

– Долго рассказывать. Узнаешь все, когда приедешь.

Прикрыв микрофон рукой, Грей обернулся к Сейхан:

– Что-то случилось. Меня просят вернуться.

– Правда? – Золотые искорки в зеленых глазах Сейхан зажглись ярче от любопытства, если не ревности, но она махнула рукой. – Пошел вон, давай.

Грей уже хотел ответить, однако Сейхан вскинула руку:

– Только сперва поменяешь Джеку подгузник.

Грей улыбнулся.

«Боевая ты моя...»

10:02

Вашингтон, округ Колумбия

– С возвращением в логово льва, – произнес Пейнтер Кроу, когда Грей вошел в кабинет директора.

За последние пять месяцев тут ничего не изменилось. В комнате без окон царила все та же спартанская обстановка: из мебели только два кресла и широкий стол красного дерева посередине. Из украшений – бронзовая скульптура на пьедестале в углу, изображающая коренного жителя Америки. Изможденный индеец сидел верхом на лошади, как бы напоминая о происхождении самого директора и о цене, которую платит за битвы простой солдат.

Пейнтер стоял перед тремя плоскими мониторами во всю стену. Сняв и повесив на спинку кресла темно-синий пиджак, он закатал по локти рукава накрахмаленной белой рубашки, а значит, уже много часов работал и, наверное, не спал всю ночь. Весь командный центр, укрытый под Смитсоновским институтом, гудел, как потревоженный улей. Даже Кэт дальше по коридору лишь махнула Грею рукой, когда он проходил через гнездо разведчиков «Сигмы»: они вместе с помощником склонились над монитором.

«Как все переполошились... Явно что-то серьезное».

Грей испытал мимолетную зависть и раздражение. До отпуска он, один из лучших оперативников, всегда был в самой гуще событий, а теперь не просто выпал из рабочей жизни, а еще и не мог вернуться в прежний ритм.

Пейнтер вернулся к столу, а Грей взглянул на экран, который до этого созерцал директор: на него спроецировали топографическую карту восточного побережья Гренландии. Над морем двигался клин красных V-образных символов, подписанных позывными. Военные самолеты.

– Присаживайся, – велел Пейнтер. – Кэт вот-вот подойдет, только организует видеоконференцию.

Директор присел за стол, а Грей опустился в кресло. Пейнтер был старше на десять с лишним лет, но форму поддерживал отличную. Казалось, время не властно над ним, только смоляные волосы отросли до плеч, а загар на лице стал темнее, подчеркивая индейские корни.

Откуда такие перемены, Грей узнал от Монка. В отпуске Пейнтер с женой Лизой совершили конную поездку по Аризоне. Вот такая она, беззаботная жизнь семейной пары без детей.

«Славные деньки...» – с тоской подумал Грей, вспоминая свободу, как далекое прошлое.

Директор Кроу вернулся на прошлой неделе, как раз к разразившемуся кризису. Перед тем как заговорить, он убрал за ухо, словно орлиное перо, единственную седую прядку и оценивающе взглянул на Грея.

– Отцовство тебе идет.

– Видели бы вы меня пару месяцев назад! – Грей потер щетинистый подбородок. Еще совсем недавно он носил бороду, забыв на какое-то время о бритье и лишь изредка вспоминая о личной гигиене. На встречу он и вовсе пришел в черных джинсах и сером худи, которые вынул из корзины с грязным бельем.

Пейнтер кивнул.

– Тем не менее спасибо, что прервал отпуск.

– Что у вас происходит?

– Неожиданная ситуация в Гренландии. Пару дней назад сообщили, что там в недрах ледника найден потерпевший крушение древний корабль.

Взяв со стола пульт, Пейнтер развернулся в кресле к монитору слева и переключил картинку. Появилось изображение плохого качества, сплошь пиксели, наполовину вмерзшего в лед корабля со сломанными мачтами.

– Его случайно обнаружили двое исследователей: климатолог и геолог. Внутри их ждало сокровище.

Пейнтер нажал кнопку на пульте, переключая изображение: золотая карта внутри темного ящика, со сферой посередине.

Грей встал и подошел ближе к монитору.

– Не понимаю, – сказал он, присматриваясь к картинке. – Какая связь между этим открытием и «Сигмой»?

– Все по порядку. Требовалось удостовериться подлинность предмета и как можно быстрее его забрать. Я выяснил, что у Марии Крэндолл есть коллега, морской археолог, которая работает в Египте. Мы убедили ее осмотреть корабль.

– Мария? Подружка Ковальски?

– Именно. Они работали в Африке, но я велел им отправляться следом за археологом, чтобы забрать карту, если бы ее аутентичность подтвердилась.

«Если замешан Ковальски, то ситуация и впрямь взрывоопасная...»

Пейнтер продолжил вводить его в курс дела, рассказав о смертельной ловушке, похитителях карты и археолога, а еще... о чем-то жутком и нереальном, что выпустили из трюма корабля.

– Информация пополняется. Из-за сильного шторма в Гренландии связь неустойчива. Но погода уже позволила пяти «Посейдонам» отправиться на охоту за вражеской подлодкой.

Грей снова взглянул на карту Гренландии: алые клинышки самолетов медленно ползли над просторами Северного Ледовитого океана. В этот момент один самолет покинул строй.

– Взяли след? – указал на него Грей.

– Нет, – обернувшись, ответил Пейнтер. – Звуковые буи засекли подлодку, когда она двигалась на север вдоль побережья. Потом она вышла из зоны досягаемости – судя по скорости и траектории, намереваясь укрыться под полярной ледяной шапкой.

– Оттуда она незаметно уйдет куда угодно.

– Вот именно.

– Значит, нападавшие говорили на арабском? Есть хоть какие-то сведения, кто они такие?

– На данный момент никаких. Кэт уже обратилась за помощью ко всем иностранным разведслужбам. Установила, что Конрад Нельсон – погибший геолог – переслал снимки, которые я тебе показал, своим нанимателям, «Аллайд глобал майнинг». От них фотографии могли утекь куда угодно...

– И попасть не в те руки...

– И в те тоже. Фотографии увидели в одном учреждении, и оно попросило нашей помощи. – Он многозначительно посмотрел на Грею. – Просили привлечь тебя.

– Меня? Зачем?

– Им нужно...

Он замолчал, услышав громкие голоса из коридора: Кэт пыталась кого-то успокоить.

– ... Черт подери, у нас под самым носом! – поражался и одновременно злился обладатель выраженного бостонского акцента. – Кто бы мог подумать!

Пейнтер встал и посмотрел на часы.

– Он раньше времени. – Потом со вздохом сказал Грею: – Президент просил, чтобы «Сигма» сопровождала его во время визита. Особенно учитывая обстоятельства.

Грей нахмурился. Лишь горстка людей, несвязанных с ДАРПА, знали о существовании «Сигмы», не говоря уже о тайном штабе под Национальной аллеей.

Первой, опираясь на трость, вошла Кэт. После выпавших прошлым Рождеством на ее долю испытаний она почти оправилась, однако левая сторона ее тела еще не восстановилась. На лацкане темно-синего пиджака зеленела брошь в виде изумрудной лягушки, в память об ушедших товарищах.

– Сюда, сенатор. – Она подвинулась, пропуская гостя.

В кабинет вошел высокий широкоплечий мужчина в костюме от Армани, синем галстуке и черных, начищенных до блеска туфлях. Грей в черных джинсах и серой толстовке как-то резко ощутил себя одетым не по случаю просто.

Пейнтер обогнул стол и пожал сенатору руку.

– Сенатор Каргилл, добро пожаловать в штаб «Сигмы».

Грей мысленно дал себе пинка. Слушая рассказ Пейнтера, он не догадался сложить два и два. Вот и доказательство, что в отпуске он совершенно размяк: даже услышав имя археолога, доктора Елены Каргилл, он и не подумал о ее отце-сенаторе.

«Так вот почему все на ушах стоят».

Сенатор Кент Каргилл окинул комнату взглядом. Коротко взглянул на карту Гренландии и потом снова на Пейнтера. Пятидесятилетний сенатор был ростом выше шести футов, фигуру имел стройную и мускулистую, обкатанную в двух командировках на Ближний Восток в составе пехоты и во время «Бури в пустыне». Русые, чуть выющиеся волосы пребывали в легком беспорядке, что говорило о простом характере.

В стране мало кто не знал сенатора Каргилла в лицо. Некоторые даже называли его Джоном Кеннеди нового тысячелетия, особенно если учесть его бостонский акцент. Как и Кеннеди, он принадлежал к римской католической церкви, но, в отличие от покойного бывшего президента, не относился ни к одному из политических лагерей – партии по обе стороны баррикад его обожали. Несмотря на преданность вере, сенатор сохранял открытый разум. Твердый в своих убеждениях, он готов был идти на компромисс. Такие на Капитолийском холме – настоящая редкость. Поговаривали, что он метит в президенты, готовится занять место в Белом доме, которое вскоре опустеет.

Грей с директором переглянулись. А ведь это Пейнтер подрядил Елену исследовать корабль в Гренландии и в конечном итоге подверг ее жизнь опасности.

Сенатор Каргилл смотрел холодно и жестко, и было ясно, что в этом деле на компромиссы он не пойдет.

– Где, черт возьми, моя дочь?

Глава 9

*22 июня, 17:32 по турецкому времени.
В воздухе над Эгейским морем*

«Похоже, я вернулась к началу».

Елена смотрела в иллюминатор частного самолета на то, как в синеве моря играют блики солнечного света, на россыпь островов. Всю свою карьеру она изучала эти места и умела ориентироваться. Сейчас ей не составило труда определить свое примерное местоположение: «Средиземноморье... внизу, должно быть, Эгейское море».

С тех пор как ее забрали на борт подлодки, прошли сутки. Грабители посадили ее под замок в каюту без иллюминатора и с единственной койкой; счет времени Елена потеряла. Ее кормили, обращались с ней бесцеремонно, хотя и не жестоко. Несмотря на стресс, ей все же удалось выспаться... пока субмарину не тряхнуло.

От испуга сердце чуть не выскочило из груди. Елена даже решила, что их подорвали торпедой или глубинной бомбой. Но тут явился амбал-телохранитель и, выдернув ее из каюты, потащил на мостик. В открытый люк командной рубки пробивался яркий солнечный свет вместе с порывами ледяного ветра. Под дулом пистолета Елену заставили подняться по лестнице, и она оказалась посреди ослепительно-белой, заметаемой снегом пустыни. Видимо, тряхнуло субмарину, когда она крышей рубки пробила ледяную шапку.

Недалеко от подлодки на вырытой прямо во льду взлетно-посадочной полосе стоял турбовинтовой самолет. Когда вместе с Еленой борт подлодки покинуло еще шестеро боевиков, подводное судно спешно погрузилось. Капитан торопился, чтобы его не засекли.

Елену доставили на неприметный остров, где и пересадили уже в этот реактивный самолет.

Привлеченная движением, Елена вернулась к реальности. К ней по проходу шла давняя знакомая – командир нападавших. Отделка салона была богатая: ясень и светлая кожа. В хвостовой части располагался бар, укомплектованный хрусталем «Баккара», марку которого Елена угадала только по причудливому бокалу с водой на столике между ее местом и креслом напротив. Значит, грабители охотятся вовсе не за драгоценными металлами.

Они затеяли нечто покрупнее.

Женщина рухнула в кресло напротив. Карамельного оттенка кожа побледнела, взгляд сделался затравленным. После побега из Гренландии она долго размышляла, пытаясь понять, что же там случилось, и примириться с тем, какие ужасы они выпустили на свободу из трюма древнего дау.

– Скоро приземлимся.

Елена посмотрела на женщину. Снедаемая любопытством, она больше не могла молчать и потому решила рискнуть. Пусть лучше накажут, но сейчас самое время для вопросов.

– Кто вы?

Командир отряда заговорила далеко не сразу. Сперва она, глядя на Елену, видимо, решала, достойна ли пленница такого знания.

– Можете звать меня Бинт Муса.

– Моисеева дочь, – перевела Елена.

Кивнув, женщина задумчиво погладила шрам на лице.

– Я через многое прошла, прежде чем меня так стали называть.

Елена сглотнула, стараясь сохранить невозмутимый вид, хотя резко ощутила, как давит на поясницу припрятанная находка. До сих пор никто не догадался о тайне: решив, наверное,

что угрозы Елена не представляет, ее лишь наскоро обыскали на предмет оружия да отобрали сотовый, перед тем как запереть в каюте подлодки.

Конверт из тюленьей кожи, найденный у тела мертвого капитана и лежащий во внутреннем кармане парки, так и остался ненайденным. На борту субмарины перепуганная Елена искала, чем занять себя, и рискнула его вскрыть. Сорвав восковую печать, обнаружила внутри две тетради в кожаных переплетах, сшитых толстыми нитками.

Елена слишком боялась повредить хрупкие книжицы и не стала их открывать, а вот заглавия, выполненные арабской вязью и вытисненные на переплетах, сохранились хорошо. Первое состояло из единственного слова: «*ملاحمة*», что в переводе означало «Одиссея». Тогда Елена решила, что это письменное переложение Гомерово́й поэмы, но вскрывать швы, чтобы выяснить, так это или не так, не рискнула.

Тем более что второе заглавие оказалось более интригующим.

Образ этого тиснения до сих пор пылал перед мысленным взором, вместе с переводом: «Исповедь четвертого Моисеева сына».

Наверное, дневник погибшего капитана, рассказ о том, как его судно попало в грот у берегов Гренландии, как застряло там и откуда везло свой жуткий груз. Елену подмывало вскрыть тетрадь, но она боялась повредить столь важный исторический документ.

Она внимательно посмотрела на меченую, назвавшуюся Моисеевой дочерью. Определенно что-то связывает ее и золотую карту, ведь похитителям известно об артефакте необычайно много.

В этот момент капитан произнес что-то по внутренней связи на турецком языке. Странно, ведь остальные на борту говорили по-арабски.

– Посадка через десять минут. Пристегните ремни.

Елена и так уже сидела пристегнувшись, поэтому посмотрела в иллюминатор. Впереди показалась земля. Если она верно угадала и море под ними – Эгейское, то каменистый берег впереди – это Турция. Чтобы смирить страх, Елена попыталась определить, куда именно они направляются. Поискала взглядом ориентиры, сверилась с положением солнца... и вздрогнула, ощутив одновременно уверенность в своей правоте и ужас.

На северо-восток уходил широкий пролив, очевидно Дарданеллы, именовавшийся в древности Геллеспонтом, морем Геллы. Пересекая северо-восточную часть Турции, он впадал в Мраморное море.

«Я и впрямь замкнула круг... из Хельхейма да в море Геллы»¹⁵.

Елена узнала глубокий вырез бухты, обрамленный отвесными скалами. Совсем недавно она видела ее изображение: тут стоял крохотный серебряный кораблик с золотой карты. Еще на дау она сама же вспомнила древнее название этого места, а сидящая сейчас напротив женщина подтвердила догадку.

Достигнув линии берега, самолет пошел на снижение.

Показались акры древних стен и фундаментов.

Елена уже точно знала, что это за место.

Руины Трои.

Она взглянула на женщину, Бинт Муса, Моисееву дочь. Та посмотрела на нее в ответ.

«Какого черта тут происходит?»

¹⁵ По-английски имена Хель (владычицы Хельхейма, см. выше) и Геллы (женщины из древнегреческой мифологии, утонувшей в этом проливе, упав с покрытого золотой шерстью летающего барана – того самого, за чьей шкурой с руном впоследствии плавали аргонавты) созвучны.

Глава 10

22 июня, 11:08 по восточному времени.

Вашингтон, округ Колумбия

Грей снова плюхнулся в кожаное кресло у директорского стола.

– Лучше бы нам отыскать его дочь.

Сенатор Кент Каргилл только что ушел в сопровождении Кэт.

На лице Пейнтера застыло уязвленное выражение.

– Согласен. Враг в лице этого человека нам не нужен. Особенно если он и правда метит в Белый дом.

Получасом раньше директор вводил сенатора в курс дела, рассказывая, как продвигаются поиски и какие намечены планы, в том числе с участием разведки и полиции по всему миру. Каргилл слушал его, задавая вопросы строго по делу, и предложил свои ресурсы, как глава сенатского Комитета по международным отношениям.

Грей благоразумно молчал. Он-то ожидал увидеть паникующего отца, который станет всем тут приказывать, бодаться с директором, ставить условия... В глазах Каргилла и правда читался страх, губы он сжал в тонкую бледную линию, однако самообладания сенатор не терял, видимо понимая, что криками и угрозами дочь не спасет.

Как бы сам Грей повел себя, похитить кто-нибудь Джека? Крушил бы стены. Сенатор же перед лицом кризиса сохранял олимпийское спокойствие, а значит, президент из него получится отличный. У него не хребет, а стальной стержень, ум – острый, как медвежий капкан.

Когда речь зашла о вине «Сигмы», сенатор с готовностью признал, что его дочь своенвольна и питает не меньшую страсть к своей работе, чем он – к своей. А стоило Пейнтеру заговорить о древнем дау, как в глазах Каргилла мелькнул огонек любопытства. Ведь находка способна была доказать, что арабы открыли Новый Свет задолго до викингов.

Он покачал головой и, хмыкнув, произнес: «От изучения корабля вы мою дочь все равно не удержали бы».

Вопрос решили со взаимным уважением, и вот сейчас Пейнтер обогнул стол и вернулся на место. Опустившись в кресло, он выразительно посмотрел на Грея.

– Сам видишь, нам нужны лучшие кадры.

То, что это не похвала, а намек вернуться к работе, Грей понял. Оставалось надеяться, что эпитет «лучшие» к нему все еще применим.

– На твою помощь надеюсь не только я, – признал Пейнтер, напомнив о том, что они обсуждали чуть ранее.

– Вы это о ком?

– Я ведь говорил, что фотографии, которые геолог отправил нанимателям, утекли.

– И попали не в те руки. Это понятно, но что вы имели в виду, говоря о том, что они попали «и в те руки тоже»? О находке прознало еще одно учреждение... Кто они?

Пейнтер ответить не успел, потому что в кабинет, постучавшись, вошла Кэт.

– Наш уважаемый гость ушел, – сообщила она, – и я наконец возобновила видеоконференцию.

Она подошла к компьютеру Пейнтера и вопросительно выгнула бровь. Директор кивнул, разрешая воспользоваться своим настольником. Кэт быстро набрала с клавиатуры команду, и на экране за спиной у директора возникло дрожащее изображение. Когда оно стабилизировалось, Грей увидел мужчину: упираясь локтями в стол, тот подался почти к самому объективу вебкамеры.

Весело поблескивая зелеными глазами, мужчина убрал со лба челку черных волос в тон монашеской рясы. На экране мелькнул белый воротничок католического священника.

Финн Бейли. Отец Финн Бейли.

Так вот кто просит задействовать Грея!

– Смотрю, наш блудный сын вернулся, – с акцентом выходца из ирландской глубинки произнес священник. – С возвращением, командер Пирс.

Не обращая на него внимания, Грей обратился к Пейнтеру:

– Еще одно учреждение, которое прознало об открытии и видело фотографии геолога, это... Ватикан?

– Не весь, – уточнил с экрана Бейли. – Только те из нас, кто состоит в его *intelligenza*.

А значит, история куда масштабнее. О том, что у Ватикана есть собственная разведывательная служба, шпионская сеть, знали немногие. Десятилетиями – если не веками – ее агенты внедрялись в тайные общества и враждебно настроенные страны. Интересы Ватикана защищали джеймсы бонды в пасторских воротничках, только без лицензии на убийство.

С этой организацией Грей связался одиннадцать лет назад, когда познакомился с монсеньором Вигором Вероней, бывшим членом *intelligenza* и просто человеком чести, неоднократно спасавшим Грея жизнь и чья племянница однажды украла его сердце. Обоих, правда, уже не было в живых: они пожертвовали собой, спасая мир.

При виде отца Бейли пробудилась старая боль. Священник, ровесник самого Грея, некогда был студентом монсеньора Вероны в Папском институте христианской археологии и в конце концов поступил на службу в *intelligenza*. Выслушать его Грей согласился только из уважения к памяти старого друга, но отец Бейли по-прежнему его раздражал: слишком высокого мнения о себе, слишком уверенный в том, что перерос покойного наставника.

«Никогда и ни за что не стать тебе Вигором».

Вслух же он произнес:

– Так при чем тут Ватикан?

– А, долгая история, – начал Бейли. – Нет смысла рассказывать сейчас. Думаю, лучше начать с актуальных деталей: неделю назад нашу организацию встревожили фотографии с гренландской находкой. Она показалась нам важной, особенно золотая карта и серебряная астролябия и их связь с тайной, о которой у нас в Ватикане знают уже несколько веков.

– Что еще за тайна? – спросил Грей.

Бейли вскинул руку.

– Скажу только, что в наших интересах было удостовериться в подлинности находки и доставить ее сюда. Но, как вы, думаю, понимаете, католических церквей в Гренландии не хватает. Не говоря уже об агентах *intelligenza*.

– И за помощью обратились к нам, – подсказал Пейнтер.

– Вопрос очень срочный, – пояснил Бейли. – Нам кажется, что новость о находке распространяется очень быстро.

Кэт, стоявшая за компьютером, выпрямилась.

– К несчастью, вам не кажется.

– Знаете что-нибудь о тех, кто похитил карту? – спросил Грей.

– Увы, нет. Знаем только, что разграбление удалось не полностью.

– Как это понимать? – нахмурился Грей.

Ответил Пейнтер:

– Прибывший на место открытия климатолог, Дуглас Макнаб, сберег сферическую астролябию, когда она случайно выпала из карты. Еще он рассказал, что грабители называли сферу Ключом Дедала.

«Ключ Дедала?»

– Почему ее так называют, мы не в курсе, – вздохнул Бейли. – Однако один из наших агентов, мой коллега из Папского института христианской археологии, знаком с такими устройствами, сферическими астролябиями. Они настоящая редкость. Мы догадываемся, почему грабители так отчаянно желали ее получить.

– И почему же? – спросил Грей.

– Монсеньор объяснит.

Бейли нажал на клавиатуре комбинацию клавиш, и картинка увеличилась, показав стоявшего слева от священника человека. Грей напрягся – и не только потому, что Бейли забыл упомянуть еще одного, незримого и молчаливого участника беседы. В конце концов, поступок был вполне в духе этого хама.

Возмутился даже Пейнтер, а Кэт просто смотрела на экран ледяным взглядом.

Грей подался вперед, стараясь не показывать крайнего удивления. Может, дело было в титуле «монсеньор», но на краткий миг Грею показалось, будто в кадре – Вигор Верона, его призрак. Однако незнакомец приблизился к камере, и Грей понял, что обознался. Облаченный в полагающуюся по сану одежду, монсеньор был примерно того же возраста, что и Вигор: лет шестьдесят – семьдесят, – и носил такую же тонзуру, обрамленную венчиком седых волос.

– Монсеньор Себастиан Ро, профессор нашего института и давний член *intelligenza*. Можете говорить при нем без утайки.

«Как будто у нас был выбор, пока ты не сказал».

Заняв место Бейли, монсеньор застенчиво улыбнулся.

– Судя по вашим лицам, отец Бейли не предупредил о моем присутствии. – Он сердито взглянул на священника. – Кто-то однажды сказал мне, что молодежь считает стариков дураками, тогда как старики точно знают, что молодые – дураки.

Грей невольно улыбнулся. Этот человек даже разговаривал как Вигор.

– Прошу простить, – снова обратился к собеседникам монсеньор Ро, – мой поучительный тон. Я сорок лет преподаю и не в силах удержаться перед аудиторией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.